

Александр СТАРШИНОВ

и

ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН

ФАНТАСТИКА НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

Александр Старшинов

Закон есть закон

«Автор»

2011

Старшинов А.

Закон есть закон / А. Старшинов — «Автор», 2011

На острове Альба Магна власть Пелены Закона выше любой власти. Но когда умирает Магистр, на город обрушивается Волна и действие всех человеческих законов прекращается. Преступники выходят на свободу, добропорядочные жители становятся насильниками и убийцами, улицы перегорожены цепями и нет разницы между гвардейцами и бандитами. Это отличное время, чтобы свести старые счеты. Наступает Хаос, и все воюют против всех. Каждый сам за себя, и если найдется парочка друзей, готовых прикрыть тебе спину, то тебе очень повезло. У Феликса по прозвищу Синец друзья есть. Враги тоже. А выбора – нет. Или Феликс ввяжется в драку, или его просто убьют.

© Старшинов А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Старшинов

Закон есть закон

Глава 1

Я прилепил на стальную дверь склада лист бумаги с кривоватой надписью крупными печатными буквами: «Сегодня заправки нет!!!» Разумеется, мою бумажку сорвут через пару часов, как и прежние, но тогда уже наступит вечер, и народ перестанет ломиться на заправку со своими драндулетами. Удивительные люди! Вроде бы всех учат грамоте в средней школе (во всяком случае, прежде учили, что-то такое я смутно припоминаю) – ан нет, вывеска, на которой указано «обслуживание по абонементам», почему-то никого не останавливает, и каждый день человек десять, не способных складывать буквы в слова, колотят кулаками или заправочными насадками в железные ворота склада. А иногда и в стекла конторы. Вон те потеки оставлены активными двуногими без перьев.

Я в таких случаях неспешно выхожу из своей конторы в маленький мощный бульжником дворик и широко улыбаюсь, после чего нетерпеливый клиент пятится и несколько раз беззвучно открывает рот. Спустя пару секунд женщины визжат. Слабонервные просто садятся в тачку и тут же испаряются, оставив облачко сизого дыма и запах паленой резины. Те, у кого нервы потверже, с третьей попытки спрашивают:

– 3-з-заправиться можно?

Тогда я лениво сплевываю и тычу пальцем в вывеску.

– Я в-вижу... – заикаясь, отвечает посетитель. – Но у меня концентрат на нуле...

– Берите абонемент. Первая заправка – немедленно, оплата наличными, остальные по графику, платить можно через банк.

– А график?

– Составьте сами. Но не чаще, чем раз в десять дней.

Я нарочито медленно достаю из нагрудного кармана комбинезона блокнот, черкаю в нем сегодняшнюю дату, отрываю листок и протягиваю жертве... пардон, клиенту.

Тот начинает лихорадочно заполнять квадратики, высчитывая на пальцах нужные даты и периодически косясь в мою сторону, при этом не поднимая глаз выше нагрудного кармана комбеза. Но все равно каждый из них хоть раз, да глянет мне снова в лицо. Я тем временем с самым сосредоточенным видом достаю шланг, накручиваю кольца на бачок тачки и качаю концентрат. Счетчик мне не нужен. Счетчик у меня в мозгу – я с точностью до эрга знаю, сколько энергии всаживаю под хвост пригнанной на заправку железной кляче.

Клиент уезжает, испуганный, но довольный. А я получаю нового подписчика.

Так все происходит в обычные дни. Но не по субботам. В субботу после обеда я вешаю объявление «заправки нет» с тремя восклицательными знаками, потому что по субботам я езжу играть в «Тошую корову», пристанище заправщиков, неудачников и интеллектуалов. Вообще-то я мог бы зарабатывать в два, а то и в три раза больше, чем сейчас, учитывая, что на прессовку синевы у меня уходит час-другой в день от силы. Непыльного заработка мне хватает на жратву, пиво, оплату счетов и кое-какие мелочи, которые я могу себе позволить. Пять лет назад я тратил уйму денег на лекарей, но потом понял, что мне уже ничем не помочь, что природа возьмет свое со временем (или не возьмет), и снял свору жадных шарлатанов с довольствия.

Сегодня, прикрепив бумажку, я вернулся в контору и уселся за стойку – завтра выходной, так что приходится подводить баланс за неделю. Если я вовремя не сдам листок квартальному, над моим заведением Пелена завяжет узелок.

Но только я разложил бумаги на стойке и взялся за ручку, как брякнул медный колокольчик и следом хлопнула, задребезжав стеклом, входная дверь. Вот же синь, опять забыл оставить заявку стекольщику, еще пара недель – и стекло вылетит само собой. Хотя... через пару недель, полагаю, в нашем городе вообще не останется ни одного целого стекла.

Я как ни в чем не бывало стал карябать циферки на листке – стандартный отчет, всего-то и надо, чтобы две колонки в итоге совпали.

– Шеф, мне нужен концентрат! – раздался откуда-то сверху резкий голос.

Ну вот, начинается!

Я поднял голову и растянул рот до ушей.

Но в этот раз моя улыбка не произвела впечатления. Парень в грязно-сером плаще стоял, уперев руки в полированный прилавок конторки. Руки у него были все в голубых пятнах, по форме напоминающих большие снежинки, – такие оставляют на коже ожоги концентратом синевы, да только мой гость не походил на заправщика. Я покосился на его запястья. Рукава плаща были довольно короткие, и я разглядел, что у парня всего один браслет, – значит, точно не заправщик, всего лишь обычный житель Альбы Магны.

Или все-таки не обычный? Вообще-то парный браслет он мог спрятать где-нибудь в кармане, поместив в футляр. Это не возбраняется.

– В розницу не торгую, – сказал я.

– Сто единиц концентрата.

Одна пола его серого плаща подозрительно оттопыривалась.

Пистолет? Как же Пелена его пропустила? Неужели настолько истончилась? Или переодетый страж порядка? Это было единственное подходящее объяснение, хотя и не очень верное – у стража должен быть пистолет с синькой, то есть подвластный Пелене, таким оружием угрожать законопослушному гражданину – последнее дело. С другой стороны, если парень этот не страж и пистолет у него незаконный, да еще автономный, с пороховыми зарядами, без синьки, то этого клиента давным-давно должны были загresti стражи. А его не загребли.

Я сложил один плюс один и получил ответ: у парня есть кристалл.

Мне все это очень не понравилось. Я сунул руку в карман куртки и нащупал титановую флягу. М-да... Что же делать? Если у него пистолет, вытащить флягу я никак не успею, не говоря уже о том, чтобы подпалить концентрат.

– Сто единиц, – повторил посетитель и достал бумажник.

На вид парню было около тридцати с небольшим, лицо бледное, с нездоровой желтизной на щеках вместо румянца. «Может, недавно переболел желтухой, но не долечился?» – почему-то подумал я. И еще подумал, что прежде видел этого человека, но вот где именно, вспомнить почему-то не получалось. Лично не знаком, но физия какая-то примелькавшаяся. Я вновь к нему пригляделся. Жидкие светлые волосы, стянутые на затылке в крошечный хвостик, выглядели так, будто их не мыли как минимум месяц. Парень был высокого роста – здорово выше меня, но не шире в плечах. И вообще, вид у него был изможденный. Как будто он долгое время провел в больнице или за Вратами Печали.

– Я не торгую в розницу, там объявление, если вы не читали... – Я ткнул пальцем себе за спину.

На стене висела бронзовая табличка с текстом, работа Черного Кролика, он занимается гравировкой по вечерам. Вторая медная табличка с прејскурантом, опять же Кроличье творение, была привинчена возле кассы.

– Сто единиц – плачу вдвойне.

Заправщики – жадное племя, любой другой на моем месте обосрался бы от радости, услышав про двойную цену, но я лишь пожал плечами.

– Да хоть тройную. Сегодня никого не заправляю вообще, сегодня я играю в «Тощей корове». Это святое.

– Значит, и втройне не возьмешь... – посетитель оскалился. – А вот это?

Он спрятал бумажник и выложил на стойку шестигранный футляр из черного дерева. Мне не нужно было объяснять, что хранят в таких футлярах, – я достаточно времени провел на Ледяном континенте, чтобы это знать.

Вот же синь!

Я невольно потянулся к ящику прилавка.

– Без фокусов! – предупредил посетитель.

И слегка отвел в сторону полу плаща – он в самом деле носил кобуру под мышкой.

– Я только проверю.

– Проверяй. Но двигайся медленно.

Ящик у меня забит под завязку – старые квитанции, черновики отчетов, конфетные обертки, бумажки с моими записями, которые я никак не могу оформить даже в самый захудалый кодекс, и другой старый хлам, который я зачем-то храню, сам не знаю зачем. Поверх бумажек лежал армейский детектор старого образца – подарок Макса. Я достал детектор из ящика, включил и сделал круговое движение над футляром. Экранчик вспыхнул розовато-красным. Судя по свечению, выходило, камень внутри двадцать карат, не меньше. А футляр отличный – Пелена начинку не сечет. Эту штуку после падения Пелены можно продать за... я даже боялся в уме прикинуть, сколько она стоит. Домик на берегу Внутреннего моря точно гарантирован.

– Хорошо. – Я сам не узнал свой голос.

Вообще-то я не планировал соглашаться. Я хотел сказать «проваливай», но язык почему-то сам по себе выдал это треклятое «хорошо».

Посетитель смотрел на меня насмешливо, кривя губы.

Про искушение кристаллом мне рассказывал еще Леонардо, но я всегда был уверен, что устою. И вот нате – сразу же поплыл. Я чувствовал, как внутри нарастает бессильная злоба, почти отчетливо слышимый голос кричал: «Пусть убирается! Выгони его! Пусть катится в синьку!»

Но вместо этого мои губы бормотали:

– Идем, накачаю...

Небрежным жестом я бросил в карман футляр, взял с полки переходные кольца и поднялся. Почему-то подумал: если я его сейчас запроважу, то завтра, в выходной, придется тащиться на насосную станцию и платить двойную ставку за синеву. Как будто это было главной проблемой!

Я двинулся к складу. Концентрат синевы хранят в больших титановых баллонах, десять таких легко влезают в мой грузовичок, я вожу их в специальной деревянной решетке. Парень почему-то медлил и, выйдя из конторки, застыл на пороге. Я же распахнул дверь склада и уже собирался протянуть руку за насадкой шланга, когда краем глаза заметил рыжий продолговатый мазок на фоне серого фасада напротив и услышал за спиной визг тормозов. Я прыгнул внутрь и захлопнул за собой дверь. Изнутри не было ни замка, ни засова, и треклятая дверь начала медленно открываться, демонстрируя солидную щель. Я спешно отполз в угол, пока снаружи частый град пуль молотил по стальной двери – видимо, хозяин рыжей тачки запасся серьезной пушкой, прежде чем пожаловать ко мне в гости. Только сталь на этих дверях не хуже бронебойной, так что я сидел и молил богов синевы об одном – чтобы стрелок не сунулся внутрь. Не то что я был беззащитен... Но, когда рядом баки с концентратом, один дурацкий выстрел может превратить полквартила в миленький такой круглый котлован глубиной в десять метров.

На счастье, парня с пушкой моя персона больше не интересовала. Он вновь принялся стрелять, на этот раз, видимо, по странному посетителю – по моим прикидкам, у этого второго гостя не было иной цели. Я оказался прав: через несколько секунд загрохотал второй пистолет. Значит, настойчивый клиент в сером плаще наконец-то вытащил свою пушку и открыл огонь.

Интересно, где спрятался этот желтушный? Если за мусорным баком возле конторки, то это паршивое укрытие.

– Вот тебе и Пелена, – пробормотал я, доставая из кармана флягу.

Концентра та синевы в ней было по самое горло. Отлично! Не придется сжеживать концентрат из баллона. Я спрятал черный футляр гостя в коробку с ветошью и приготовил разовую зажигалку, а потом принялся ждать, пока этим двоим надоест поливать друг друга свинцом. Пули у них кончились довольно быстро. Наступила тишина – совершенно невероятная после зверского грохота. Потом я услышал какие-то звуки – что-то похожее на хрип или бульканье. Пробили бак с концентратом на тачке? Нет, только не это! Пинком ноги я распахнул дверь и выкатился из склада.

Мой желтушный посетитель лежал в трех шагах от меня. А над ним возвышался какой-то мелкий тип в мешковатой куртке с капюшоном. Лица не разглядеть – черное пятно, да мне и некогда было любоваться на его физию. Я плеснул в этого типа из фляги, щелкнул зажигалкой и швырнул желтую искру огня прямиком в черный провал капюшона, после того как синяя пленка окутала парня. В следующий момент синева вспыхнула, и стрелок мгновенно превратился в пылающий факел. Он дернул рукой с пистолетом, очередь выстрелов выбила дорожку рядом со мной. А потом парень покачнулся и грохнулся навзничь, продолжая гореть. Ноги и руки его било судорогой, но пистолет молчал.

Я сидел, не двигаясь, тупо глядя на выбоины в камнях. Страх не было. Но я будто заледел внутри. Минуту спустя я услышал, как заливается в дальнем конце улицы сирена. Ба, вот и стражи порядка! Что-то поздно вато они заметили искажение Пелены, могли бы и раньше побеспокоиться. Я медленно поднялся и посмотрел на своего клиента. Увы, бывшего клиента. Потому что в перестрелке он получил пулю в голову – лица уже было не разглядеть: все, что выше подбородка, превратилось в кровавую кашу, как будто парня щедро полили томатным супом.

– Надо же, до чего хорошо, – пробормотал я.

Странно, неужели этот тип в капюшоне не заметил, что клиент уже мертв? Конечно, заметил, но при этом не смылся сразу, а зачем-то двинулся к трупу. Хотя чего тут гадать – парню нужен был тот самый футлярчик с кристаллом.

– Охрана порядка седьмого округа Альбы! – услышал я знакомый голос.

А, лейтенант Мэй!

Мне всегда приятно ее видеть, хотя стражей порядка я не особенно жалую. Но у этого стража великолепная черная грива волос и синие глаза в пол-лица. Мы давно знакомы и не то чтобы дружим, но общаемся. А в данный момент я был рад любому стражу, не говоря о Мэй. В общем-то, кричать, что она из седьмого округа Альбы, кроме меня, тут было уже некому. А я и так прекрасно знал, кто такая Мэй и из какого она округа. Но Пелена требует неукоснительного соблюдения закона. Так что я думаю, возвращаясь домой, лейтенант Мэй сообщает каждый вечер собственному псу, что она из седьмого округа охраны порядка столицы. Или Мэй держит кога? Не ведаю – я никогда не бывал у нее дома.

– Что тут у нас? – крикнул ее напарник, неспешно выползая из тачки с мигалкой, когда Мэй уже была рядом с трупом – с тем самым, который догорал и больше не дергался.

Этого парня рядом с Мэй я прежде не видел – крепенький такой, короткостриженный, рожица гладенькая. С первого взгляда видно – карьерист. Прежде Мэй работала с каким-то типом предпенсионного возраста, и они постоянно ссорились. В том числе из-за меня.

В одной руке Мэй держала пистолет, в другой – синюю пластинку детектора.

– Тут дыра в Пелене, на минус седьмой уровень тянет, – отозвалась лейтенант.

То есть, если перевести с языка стражей на нормальный, кто-то пользовался кристаллом и повредил Пелену.

Фраза про минус седьмой уровень мне не понравилась, и посему я решил начать оборону с атаки:

– Если ты еще не заметила, то сообщая: эти парни устроили пальбу и к тому же изувечили дверь моего склада.

– Я вижу, что ты сжег одного из них. Пелена это засекла! – заявила Мэй и обернулась к напарнику: – Подгребай сюда, Антон, опасности нет.

– Это была самозащита. Обрати внимание на эти милые сколы на булыжниках. Как мне кажется, они очень похожи на следы от пуль.

Сам не знаю, зачем я юродствовал. Наверное, это была реакция на то, что произошло несколько минут назад. Пока эти двое палили друг в друга и для разнообразия уродовали двери моего склада, я не успел испугаться. А вот теперь на меня накатило дурацкое веселье... Говорят, это из-за адреналина.

Мэй присела на корточки и зачем-то пощупала пульс у парня с простреленной головой.

– Мертв, – констатировала она очевидную вещь и замерла, глядя куда-то в пространство, будто окаменела. Я видел ее лицо в профиль. Изящный барельеф на фоне серо-черной стены моей конторки. Мэй была воплощением строгой печали.

В следующий миг она тряхнула волосами и выпрямилась.

У того трупа, который походил на черную головешку, она ничего щупать не стала. Ее помощник наклонился и положил пистолет обгоревшего в прозрачный пакет. Я не ошибся – оружие было незаконное, без синьки.

– Ты их знаешь, Син? – спросила Мэй.

– Сегодня познакомился. И тут же раззнакомился, как видишь.

– Твое остроумие иногда меня бесит. Как они здесь очутились?

– Меня тоже бесит мое остроумие. А пришли они порознь. Этот, – я указал на парня, чье лицо из желтого сделалось красным, – просил его заправить. А этот, – я указал на обгоревшего, – скорее всего, возмутился, что парень сможет заправиться концентратом без абоне-мента.

– Ты же не торгуешь синью после обеда в субботу. У тебя игра в «Тощей корове». – Как видите, Мэй была в курсе всех моих дел, даже таких невинных, как посещение таверны.

– Да, игра это святое. Я сначала отказался, но мне предложили тройную цену.

– В первый раз слышу, что тебя так легко купить, Син!

Быстрым движением она провела по моей куртке от одного запястья до другого, не забыв просветить карманы на груди. Детектор дружелюбно помигивал огоньками: ничего запретного.

– Предъяви браслеты!

Я вытянул руки вперед так, чтобы запястья полностью обнажились. Два золотых браслета тускло блеснули. Мэй переключила детектор и проверила уровень напряжения. Опять детектор промурлыкал что-то успокаивающее. Ну, разумеется, у меня есть концентрирующие браслеты – я же заправщик, а прессовать синеву без браслетов никто не станет. Теоретически я могу, ради разнообразия, иногда позабавиться и заняться изготовлением концентрата без помощи браслетов. Но если вовремя не остановлюсь, то сдохну на третий день, а может быть, и на второй – от истощения.

Мэй разочарованно мотнула головой и склонилась над телом моего посетителя. Детектор жалобно пискнул. Впрочем, и без всякого детектора она могла заметить амулет у него на шее, а в амулете белый камешек, похожий на кристаллик соли или на ледышку.

– Ну, я так и думала! – Мэй хищно улыбнулась.

Клянусь синью, думать тут было особенно не о чем: если парни могли стрелять, не обращая внимания на Пелену, у обоих имелись при себе кристаллы. Иначе в момент первого же выстрела Пелена пошлет такой заряд в браслет стрелку, что тот свалится без сознания. Раз этого не произошло, значит, без кристаллов не обошлось. Мой посетитель носил свой на шее,

а его конкурент – как выяснилось спустя пару минут – во внутреннем кармане. Мэй с трудом извлекла белую крупницу из черной массы, больше всего похожей на тягучую смолу, и опустила в подставленный Антоном прозрачный пакетик. Похоже, напарник прислуживал ей безропотно.

Оба кристалла были крошечными – на жаргоне заправщиков «разуха» или «соль», – годными разве что на такое вот единичное преступление, как убийство конкурента.

– Ну все, можно увозить трупы, – решила Мэй.

– А этот? – Антон посмотрел на меня подозрительно.

– Самозащита, я проверила. В него стреляли, он вынужден был применить синьку. Пакуй тела и уезжаем.

– Капитан потребует отчет... – напомнил Антон.

– Не твоя забота!

– Одну минуточку, лейтенант Мэй! – подал я голос. – А как же дверь моей заправки? Клиентам не понравятся эти кругленькие вмятины, каждый второй догадается, что это следы от пуль. Извините, лейтенант, но я дорожу своей репутацией, у меня больше сотни подписчиков...

– Отстань, Син, дверь тебе придется менять за собственный счет.

– Э, нет. Пелена меня не защитила, значит...

– Ты весь в пуху, Син, и по тебе давно плачет как минимум минус третий уровень. Но ты всякий раз либо откупаешься штрафом, либо ускользаешь. Если пойму, что ты на этот раз от меня утаил, Врата Печали закроются за тобой до самого падения.

«Не так уж и долго ждать», – едва не брякнул я вслух. Но не брякнул, просто отметил, что и Мэй произнесла слово «падение» с какой-то особой интонацией. Может быть, сидя возле трупа и глядя в никуда, она тоже подумала, что закон еле дышит?

– Пелена не сочла мои действия преступными, – заметил я. – Не парализовала, не обездвигила, не...

– Заткнись! – сказала Мэй таким тоном, будто хотела выкрикнуть: «Пристрелю!»

Я покорно умолк. Являлись мои действия самозащитой или нет, Пелена обязана была меня обездвигить. Но не обратила на меня внимания, как будто ослепла. Неужели кристалл даже сквозь футляр дал наводку?

Антон принес два патологоанатомических мешка, и стражи упаковали моих незадачливых посетителей. Интересно, почему мешки для трупов черные? Я бы, к примеру, предпочел темно-синий цвет. Цвет Океана, пред которым все мы – мелюзга.

С обгорелым проблем особых не было – разве что Антон перепачкался в саже, пока головешки перекладывал в мешок. А вот второй, высокий и костистый, оказался тяжеленным. Мэй аж вся выгнулась, когда его поднимали с земли. Я хотел им даже помочь, но Мэй так шикнула на меня, что я отскочил на несколько шагов. Упаковав трупы в багажник, Мэй вернулась и залила кровь на булыжниках реагентом – в Альбе Магне все должно быть тихо и спокойно. Пока...

Лейтенант уже двинулась к своей тачке, но вдруг обернулась:

– Этот парень с тобой расплатился?

– Не успел. Можешь проверить кассу.

– И проверю.

– Мне нужна новая дверь.

– Заткнись! Отправляйся в свою «Тощую корову». И смотри, сам не сделайся скелетом к утру.

– Мне еще надо развезти концентрат клиентам и сдать отчет.

– Слушай, я не твой кварталный, и не заливай в меня свою синьку.

Я пожал плечами: мол, я ничего не скрываю, а если стражу не хочется знать, что и как, так это его дело. Говорил я все это на всякий случай, чтобы не возникло подозрений, почему этот лентяй из лентяев Синец решил прокатиться по адресам после обеда в субботу.

Они уехали – два стража на своей тачке с мигалкой – и увезли с собой два трупа. Пелена помогает избежать формальностей. На данный момент стражам порядка все было ясно, они даже не стали заглядывать в контору или на склад. А зря. Рядом с той коробкой, наполненной ветошью, детектор обязательно бы вспыхнул красным – и никакой, даже самый распрекрасный футляр не спас бы меня от минус седьмого уровня тюряги. Держать под покровом Пелены кристаллы с Ледяного континента запрещено.

Я зашел на склад и забрал из коробки опасный презент убитого.

Разумеется, к утру Мэй с Антоном произведут замеры, поймут, что моего щедрого клиента прибили не из-за жалкой крупички, которую он таскал в амулете, и не из-за денег в бумажнике, и побегут обыскивать мой дом.

Но к утру я успею подготовиться.

Глава 2

Я шелкнул пальцами, запирая дверь на замки. Приятный лязг. На слух все замки прижились без червоточин. На всякий случай я еще пару раз хлопнул в ладоши, вслушиваясь в пришедшее от замков эхо, а потом направился к тачке. Правда, когда Пелена падет, от замков этих не будет проку. Для того чтобы замки устояли в момент падения Пелены, нужен свой собственный кристалл.

Как кстати! Ведь кристалл у меня теперь имелся. Я невольно опустил руку в карман куртки и потрогал футляр. Пальцы вцепились в крошечный замочек, искушение открыть футляр и полюбоваться на сокровище воочию казалось почти непреодолимым. Но я сдержался, устоял – просто потому, что вспомнил про Мэй и минус седьмой уровень. Вот же синь! Стоило ли рисковать собственной шкурой, чтобы тут же угодить за Врата Печали! Минус седьмой уровень самый мерзкий... Почему – я вам объясню при случае, а пока мне некогда.

На каменной ограде, что отделяла мою заправку от ближайшего дома, сидела фея. Фее было семнадцать, и ее ножки, обтянутые ажурными чулками, оказались как раз на уровне моих глаз. Что она фея, я до сегодняшнего дня не замечал, потому что прежде она носила серые мешковатые брюки и старый свитер с вытянутыми рукавами, а за спиной таскала рюкзак, из которого вечно что-то торчало, то подозрительная труба, то гитара. Сегодня же она была в сиреновой кофточке с глубоким вырезом, пышной юбке с воланом чуть ниже колен и, как я уже сказал, в ажурных чулочках.

– Привет, заправщик! – крикнула она и помахала ладошкой.

Она всегда звала меня «заправщик», хотя другие предпочитали «Син», «Синец», «Синяк», в зависимости от того, как они ко мне относились. Моим настоящим именем меня не называли давным-давно. Разве что Макс с Кроликом. И то в сильном подпитии.

Фея что-то чертила в маленьком блокнотике и выглядела страшно занятой. Только сегодня я увидел, что у нее надменный рот, вздернутый носик и грива светло-русых волос, а густая челка почти скрывает глаза. За ее спиной поднималась лиловая крона огромного клена с мелкой резной листвой. В Альбе обожают зеленые насаждения, которые вовсе не зеленые. Такие вот лиловые клены, серебристые ивы, золотистые туи, а газоны непременно засаживают серебристой цинерарией, так что они кажутся поросшими седым мхом.

Мы, альбанцы, сплошное противоречие.

– Привет, Полина! – Я тоже помахал ей.

– Кто это палил во дворе из настоящих пушек?

– Да так, два нервных типа, теперь они успокоили друг друга.

– Друг друга?.. А как же Пелена?

– Дала осечку.

– Тот, что с хвостиком, кажется, был симпатичный.

– Что-то не заметил.

– Жаль его. А у второго браслеты на запястьях, как у тебя.

Я поперхнулся. Вот те на! Браслеты! Значит, парень работал заправщиком, тогда неудивительно, что он натягивал на морду капюшон. Не все заправщики способны выставлять свои физиономии напоказ. Хотя, если он избежал первого обращения, то внешность у него могла быть вполне приятной, вот только кожа непременно с синим отливом.

– Если честно, мне некогда было рассматривать, – отозвался я.

– Я достала арбалет, хотела бежать тебе на помощь, но все быстро кончилось...

– Спасибо. Я сам справился. Арбалет же побереги на будущее. Как только ты выстрелишь, Пелена засечет его точно так же, как и другое оружие.

– Да ладно, это всего лишь оборона...

– Не уверен, что стражи примут во внимание твои аргументы.

Полина почему-то считает, что меня надо постоянно защищать. Наверное, потому что у нее нет младшего брата или сестрички, а родители так стары, что больше похожи на деда с бабкой. Она родилась семнадцать лет назад как раз накануне хаоса – когда улицы были перегорожены цепями и в каждую дверь ломились грабители и насильники. Представить не могу, каково в такие времена с новорожденным младенцем на руках... Спустя два года хаос пожаловал вновь. Как уцелел в те смутные дни ее отец, человек боязливый и тихий, да еще семью уберег – неведомо. За абонемент он всегда платит вперед и всякий раз спрашивает – не пережимаю ли я концентрат больше дозволенного, не тревожу ли Пелену? Если ему кто-то наступит на ногу, он говорит: «Извините».

Хотя... кто знает, каким он был в дни хаоса?

– Скажи, а Пелена скоро падет? – спросила фея невинным тоном.

Тут я поперхнулся во второй раз.

Она откинула челку назад и глянула на меня. Удивительный цвет глаз. Я бы определил его как серо-серо-голубой. И малость светящийся. Я спешно потупился – и как-то само собой получилось, что уставился на восхитительно розовато-белое в вырезе кофточки. Я спешно заставил взгляд проскочить две ступеньки – и увидел ножки в ажурных чулках. Пришлось вернуться на исходную позицию, то есть к глазам.

– Откуда мне знать? – Я неуклюже попытался ускользнуть от ответа.

– Ты же заправщик, у тебя волшебные браслеты, и ты чуешь синеву.

– Я просто делаю концентрат, как рабочий штампует детали на прессе. И к волшебству мои браслеты не имеют отношения. Они работают как трансформатор...

– Ладно, не хочешь, не говори... – Она капризно надула губки. – Я не успею подготовиться к хаосу, и меня убьют по твоей вине. Буду каждую ночь тебе сниться и мучить.

– Дня через три, может, даже меньше, – брякнул я, совершенно загипнотизированный, хотя ничего подобного говорить не собирался. Может быть, этот кристалл даже сквозь футляр на меня так действовал? Иначе почему сегодня я говорю совсем не то, что хочу.

– Ура! – завопила фея. – Падение! Свобода! – Она уже приготовилась прыгнуть вниз, но на миг задержалась: – После падения жду тебя на площади Ста Фонарей! – И исчезла, только мелькнули в воздухе ажурные чулочки да плеснул волан на подоле.

Потом вновь возникла над срезом стены.

– Ты наконец увидишь меня настоящую! – пообещала она и скрылась.

«Как она в таких чулках по старой кладке лазает?» – совершенно обалдело подумал я.

А потом сел в свою «Каплю» и поехал к квартальному.

* * *

Все радиальные улицы в Альбе (ну или почти все) сбегают от площади Согласия к Жемчужной гавани, утыкаясь носом в Набережную, которую иногда называют Десятой круговой. Макс рассказывал, какой он видел Альбу, поднявшись в небо на дирижабле. С высоты она напоминает огромный вулкан. Его вершина – конус Двойной башни, а извилистые улочки кажутся потоками лавы, что застыла на склонах. Плотнo стоящие дома с синими крышами выглядят порождениями горы, и только концентрические линии круговых магистралей и террасы с маленькими садами – серыми или лиловыми – опознаются как творения человеческих рук. Слушая рассказ Максима, я тогда подумал, что мы в самом деле живем как на вулкане, который может в любой момент взорваться. Разумеется, в самый неподходящий момент.

Если же смотреть на Альбу с высоты человеческого роста, то видишь прежде всего мощенные булыжником мостовые и выкрашенные черной краской галереи. На этих галереях горожане обожают проводить вечера – пить чай или кофе за столиками или просто стоять

у перил, переговариваясь, и наблюдать за вечерним течением жизни. Галереи эти построены на уровне вторых этажей, тогда как первые обращены в склады или маленькие бары. На второй этаж поднимаются по узким каменным лестницам – чтобы после этого оказаться в бесконечных торговых рядах. В жару или дождь здесь постоянно струится толпа посетителей, которые перебираются от одного магазинчика к другому, из одного заведения в другое. Галереи поддерживают массивные гранитные колонны с плоскими, похожими на блины капителями. Над вторыми этажами высятся белые фасады, на центральных улицах украшенные росписью, в кварталах победнее – черно-белые или черно-синие, в стиле фахверк, ну а в старых и бедных кварталах галерей обычно нет.

Иногда по вечерам, когда на галереях зажигают розовые фонари, мне кажется, что я вижу палубы огромного лайнера, который встал на вечный прикол в нашей Жемчужной гавани. Впрочем, это сказочное ощущение улетучивается после полуночи, когда в галереях занимается ночная жизнь, – разумеется, в пределах, установленных Пеленой.

Но нынешняя Пелена в некоторых смыслах позволяет очень многое.

* * *

Контора квартального стояла как раз на пересечении Кривой радиальной улицы с Седьмой круговой. Название дурацкое – никакая она не круговая, хорошо, если четверть окружности в ней наберется. Полный круг замыкают только первые три concentрических магистрали на вершине Альбы.

Трехэтажный угловой дом с вывеской «Защита и порядок», цокольный этаж отделан красным полированным гранитом, а на самом видном месте, на уровне моего пояса торчит здоровенный металлический крюк. Я зачем-то его потрогал. Разумеется, цепи еще не было. Но металлическую решетку под ним совсем недавно открывали. Кое-где потемневший металл ярко поблескивал. Значит, цепь вытащили из дальней кладовой и вот-вот натянут поперек улицы...

Квартальный уже был в курсе событий на заправке и, даже не взглянув на отчет, принялся расспрашивать о перестрелке, стремясь вызнать, что же произошло на самом деле. Он весь дрожал от возбуждения. Я кратко изложил ему версию про двух отщепенцев, которые передрались у меня во дворе. Да, Альба Магна живет под защитой Пелены закона, и все, что нам дозволяется, так это мелкая ложь и почти невинное мошенничество. На остальные нарушения Пелена реагирует мгновенно, зачастую парализуя преступника. Зато ничто так не обожает жители нашего острова, как истории про ограбления и убийства. Чем спокойнее жизнь вокруг, тем больше крови должно литься на страницах книг или в стереовиде.

Мой квартальный не был исключением – вот и сейчас по ящику крутилась очередная серия какой-то чернухи. Мужчины и женщины орали, выпучив глаза, текла кровь, кто-то развешивал по веткам дерева внутренности. Кровь, кстати, выглядела очень даже правдоподобно, в отличие от воплей и ужимок актеров.

Я настолько подробно описал разбитую голову моего клиента, что внезапно ощутил во рту солоноватый привкус. Квартальный при этом аж дрожал и облизывался. Интересно, что он будет делать, когда Пелена падет? Станет бродить по улицам и резать прохожим горло? Не исключено. Во всяком случае, я бы не хотел с ним в эти дни повстречаться. При этой мысли привкус во рту усилился. Я спешно попрощался, оставив квартального наедине с его ящиком пережевывать подробности моего рассказа, и поехал на своем стареньком грузовичке развозить концентрат.

Три адреса. Я знал, где именно незаметно оставлю футляр – у того парня, который называет себя поэтом. Ланселот, сокращенно Ланс, – странное имя, не правда ли? При встрече Ланс непременно декламировал свои ужасные вирши. Но это не его вина – под покровом Пелены

стихов не пишут, по определению. Чтобы создать что-нибудь стоящее, надо добраться хотя бы до Малого Барьерного рифа. Ланс не был заправщиком и не должен был почувствовать кристалл. И – я надеялся – у него не имелось в доме детектора.

Все, кто живет за пределами Альбы Магны, уверены, что Пелена управляет нашими мыслями непосредственно, и переубедить иностранцев практически невозможно. Но как бы то ни было, Пелена закона не забирается к нам в черепушки – она контролирует лишь дела, не мысли. Но, увы, стихов под покровом Пелены не сочинишь. Во всяком случае, хороших стихов, а вот почему такое происходит – никто так и не обосновал, хотя бы теоретически.

Даже Граф не сумел.

* * *

Я развез концентрат троице клиентов из списка (поэту последнему, ну и как всегда выслушал балладу Ланса строк эдак в двести), а потом направился на площадь Согласия, оставил тачку на стоянке и вышел немного размять ноги, а заодно полюбоваться на Двойную башню и храм Согласия. Особенность всех несостоявшихся законников – хотя бы раз в неделю им приходится глазеть на это творение многих веков, чтобы закачать очередную дозу умиротворения в свои бунтарские души. Фундамент храма заложил еще первый магистр Альбы Магны Бертран, но каждый новый магистр находил нужным храм заново перестроить. И только лет сто назад, кажется, вместо кардинальной перестройки стали вести перманентный косметический ремонт, который так и продолжается до сих пор.

Капители колонн главного фасада только что позолотили, фронтоны раскрасили синим и красным не хуже циркового шатра. Теперь на дверях два маляра старательно рисовали золотые звезды на синем фоне. Вряд ли они успеют закончить работу до падения Пелены. Так что, скорее всего, двери придется красить заново – в период хаоса их обычно закидывают всяким дерьмом, а куда чаще попросту срывают с петель.

На ступенях храма сидели студенты. Они всегда здесь – утром, вечером, ночью, одни уходят, являются другие: Университет как раз напротив храма, на другой стороне площади. Сегодня мне показалось, что их больше, чем обычно, и сидят они не поодиночке или парами, а группами.

Когда-то на этих самых ступенях мы с Графом обсуждали теорию синевы. У Графа всегда имелась с собой пара бутербродов. И еще он носил старый армейский термос – его раздутый, как кошка на сносях, портфель казался безмерным. Вспомнив Графа, я улыбнулся. Я всегда невольно улыбался, когда вспоминал его. Граф называл площадь Согласия нулевым уровнем – по аналогии с нулевым уровнем за Вратами Печали. И еще – мечтой Данте. Почему так и кто такой Данте – на всей синеве знал только Граф.

Часы на ратуше пробили пять раз – их низкий гул долетал с Ратушной площади на площадь Согласия чуть приглушенно. Но все равно стая голубей сорвалась с конной статуи магистра Бертрана и заложила вираж, чтобы после пятого удара вернуться и продолжать обсирать бронзовое изваяние. На площади царил покой. Туристы-провинциалы фотографировались у ограды статуи, на черных галереях Университета прогуливались преподаватели. Ребятушки с пухлыми шарами разноцветной сахарной ваты на деревянных палочках, как всегда, толпились в маленьком сквере на другой стороне площади. В центре сквера росла огромная ярко-зеленая ель. Кажется, это единственное зеленое дерево во всем городе. Ель эту обожают дети – они прячутся под широченным шатром ее густых ветвей, а зимой, если выпадает снег и кто-нибудь из законников магистра зажигает гирлянды из шариков синевы, ель вообще превращается в волшебное дерево. Никто не помнит, откуда взялась эта традиция, но все приходят в восторг, одни плачут, другие смеются, и взрослые, и дети. Площадь Согласия в дни хаоса затопляется сантиметром на десять, а сам сквер расположен на специальной насыпи и окружен невысокой

гранитной оградой, посему ель пережила уже больше десятка взрывов хаоса и – если будет угодно синеве – переживет еще не один. За сине-голубой грядой черепичных крыш виднелось ажурное колесо обозрения, построенное на Втором круге.

Я пригляделся. Колесо вращалось. Как всегда. И все же я что-то такое ощущал.

Нигде лучше не чувствуешь падение уровня Пелены, как здесь, на площади Согласия, когда смотришь на Двойную башню. Макс утверждает, что под ее фундаментом, где-то в толще гранитной скалы, находится природный кристалл. Скорее всего, так оно и есть, хотя примерно в пятидесяти процентах случаев Максим выдвигает ложные гипотезы. Зато половина из них оказываются верными. В пользу природного кристалла в толще говорит тот факт, что, даже когда синева полностью затопляет наш остров, все равно ее уровень гораздо ниже уровня Океана. С другой стороны – почему этот кристалл не распадается, как все прочие? Граф утверждал, что никакого природного кристалла нет, а градиент синевы сохраняется просто потому, что ни разу хаос не длился дольше десяти дней.

Я слегка развел руки в стороны, пытаюсь прошупать Пелену. Браслеты заправщика вполне для этого пригодны. Запястья едва заметно покалывало, пальцы начали неметь. По моим прикидкам, до критического барьера еще далеко, что-то около пяти процентов падения... Но в бухте синева наверняка уже подступает к пирсам и нижней набережной. В столице еще утром должны были начаться волнения, всяческая суeta и подготовка к хаосу. Но все было спокойно. Слишком спокойно, если не считать недавней перестрелки, конечно. Я бы предпочел панику этой мирной картинке. Объяснение напрашивалось само собой: законники возвели сдерживающие барьеры. Значит, Пелена падет внезапно, а когда именно – предсказать трудно.

Я сел в «Каплю» и приказал музыкалке:

– «Вечная пена».

Внутри агрегата что-то захрипело. Поскольку музыкальные записи поступают исключительно из информхранилища Пелены, помехи были еще одним знаком грядущего.

Однако музыка полилась.

Обожаю этот мотив. Говорят, под эти звуки, напоминающие рокот волн соленого моря, в крематории в гробы заливают концентрат. Ну что ж, мне нравится, я бы сам хотел погрузиться в синьку под «Вечную пену».

* * *

«Тощая корова», заведение Дайны, расположено недалеко от Жемчужной гавани в Восьмом круге. На стоянке я поставил тачку в крайнем ряду. Каждую субботу мы играем в карты в «Тощей корове» – я, Максим и Черный Кролик. Мы самые дерьмовые игроки в карты во всей Альбе, потому и сошлись, что играем из рук плохо. К тому же никто из нас не совершенствуется, и даже не пытается, так что мы проигрываем друг другу по очереди и сохраняем баланс. Для дружбы это не так уж и мало. За последние три года мы пропустили игру всего восемь раз – один раз, когда Максим застукал свою супругу в объятиях соседа, во второй раз – когда Макс разводился, в третий, когда Кролика арестовали за попытку сжать синеву выше допустимого, и остальные пять – когда меня посадили за Врата Печали, а Граф не без труда и не сразу выкупил.

Прежде чем отправиться к дверям, я огляделся. Мэй, если она сообразила, что кристалл у меня, могла подждать меня здесь, на стоянке. Но, похоже, ее не было. Ну что ж, чем позже она появится, тем лучше. Как я уже говорил, не слишком жалую стражей, и даже Мэй мне далеко не всегда хочется видеть. А после падения Пелены я бы очень хотел отыскать того стража, что придавливал мой затылок в момент обращения. Я успел разглядеть его лицо, когда сдернул защитные очки с глаз, – у меня было несколько секунд, прежде чем я потерял сознание.

Что бы я с ним сделал? Понятия не имею. Пожалуй, то же, что и он со мной. Чтобы незнакомые люди кричали от страха, когда впервые видели его лицо.

* * *

Я миновал небольшой гардероб, которым у Дайны никто не пользовался. Холл от гардероба отделяли разноцветные шумливые висюльки. Сейчас они были раздвинуты и собраны в два пучка по краям от входа.

У Дайны все было как обычно – свой круг клиентов, много курева, незлобной ругани, одуряющий запах жаркого и выступления под гитару начинающих певцов, которые всегда пели что-нибудь забавное. В задней комнате играли в бильярд, две недели назад кто-то кием пропорол сукно, но его так и не сменили.

В «Тощей корове» собираются заправщики – то есть силовики-неудачники, проигравшие гонку, всякая мелкая шелупонь вроде меня, Кролика и Макса, из тех, кого не пустили в команду магистра. Разумеется, проигравший проигравшему рознь, зубры вроде Тони Вильчи сюда не заглядывают – не тот уровень. Но по мне – так это и хорошо. Тони я терпеть не могу. Как и он меня.

Дайна скалой возвышалась за стойкой. Несколько слов о Дайне – потому что она сама по себе заслуживает упоминания. Роста в ней почти сто девяносто сантиметров, и две трети из этих сантиметров – ноги, два здоровенных ствола, всегда открытых на обозрение клиентам, потому что платья Дайна носит коротенькие, выше некуда, к тому же ядовито-зеленого или ярко-синего цвета и все с глубочайшим декольте. Грудь такая, что на нее можно ставить поднос, и первая мысль при виде этой груди: сюда удобно примостить голову, как на подушку. Ума не приложу, почему такая грудь не выпадает из выреза платья. Сбоку, засунутая под ляжку бюстгальтера, торчит расческа – всегда в цвет платью. Без нее Дайна не чувствует себя человеком, потому что каждые пятнадцать минут ей надо взбивать свои кудри. Но расческу Дайна теряет раз в неделю, и тогда она пользуется первой попавшейся под руку вилкой. Так что не удивляйтесь, вкушая салат в «Тощей корове», если найдете на зубьях вашей вилки рыжий волосок или целую прядь.

Кроме таверны, Дайна владеет еще конюшней в пригороде: по утрам Дайна ездит верхом и фехтует. Как-то Макс сказал, что нет разницы, кто на ком катается: Дайна на кобыле или кобыла на Дайне. От себя замечу: он несправедлив, рыжая кобыла под стать своей хозяйке, так что разница есть.

Да, кстати, у Дайны всегда есть поклонники. Причем парни не самые последние в Альбе. Одно время она встречалась с Максом (уже после его развода), но потом они расстались. Почти мирно. Если не считать здоровенного фингала, который чуть ли не месяц красовался у Макса под глазом. Полагаю, синяк этот он получил за ту самую шутку насчет кобылы.

– А, Синец! Рада тебя видеть! – рявкнула Дайна и послала мне воздушный поцелуй. – Кролик тебя ждет. А Макс, стервец, как всегда, опаздывает.

Глаза у нее карие, веки до самых бровей щедро измазаны ярко-синей краской, на губах – лиловая помада, примерно такой цвет бывает у концентрата синевы, когда его сожмешь на сотку. На заводе взрывчатых веществ, помнится, меня проверяли, смогу ли я «давить» взрывчатку. Я притворился, что больше чем на десятку сжать концентрат не могу. Для того чтобы получить взрывчатку, нужно сжимать синеву до отметки двадцать. На самом деле я легко могу выдать и сотку – и делал когда-то на Северных островах. Но поскольку это было вне покрова Пелены, то об этих моих способностях в Альбе никто не знает, во всяком случае я изо всех сил надеялся, что не знает.

Черный Кролик уже сидел за нашим любимым столиком в углу и пил светлое пиво. Он заказал три кружки – на всех. Я направился напрямик к нему. Какая-то девица глянула мне в лицо и отшатнулась, другая взвизгнула. Визжала она притворно. Я привык к подобным приветствиям и приложил палец к губам, давая понять, что громкость стоит понизить. Девица

стихла. Вообще-то многие думают, что женщины меня избегают. Это так, да не совсем. Многие пугаются, это верно, но зато с какой страстью после такого испуга они кидаются мне на шею! С одной из этих визгливых девчонок я встречался три месяца, но с какой именно – не скажу.

Я уселся за стол Кролика и спросил:

– Ты слышал?

Кролик пожал плечами:

– Синец, ты же столько лет твердил, что не будешь ввязываться в драку. Где же все твои хваленые принципы?

– А я и не ввязываюсь. Просто эти двое явились ко мне на заправку и устроили перестрелку. Из настоящих пистолетов – под покровом Пелены!

– Син! – Кролик осуждающе поводит у меня перед носом пальцем. – Рассказывай свои тупые сказки тупым стражам. Два отщепенца не могут явиться случайно на заправку к третьему и там убиться. Кристалл нашли?

– Ну да. У одного – в кармане. У другого на шее. Их забрали стражи.

– Син!

– Что?

Кролик вздохнул:

– Я не о разрушителях Пелены толкую. Соли этой у многих как грязи, просто они боятся ею пользоваться. Я про настоящий кристалл, понимаешь, Кристалл с большой буквы, способный гнать волну, большую волну, гигантскую волну, настоящую. Кристалл, который цепным псом отгоняет Океан от порога и поддерживает Пелену. Так вот, его нашли?

Я отрицательно покачал головой.

– Значит, стражи явятся к тебе завтра утром с обыском, – произнес он печально. – Готовься к плохому.

– Сколько осталось ждать падения? – спросил я.

Кролик, как и я, был заправщиком. Но, в отличие от меня, у него иммунитет к синеве. Кроме небольшого синеватого пятна на щеке – никаких следов на коже. Правда, он проходил обращение месяц спустя после того, как мою физию искупали в тазике с концентратом, так что синее пятно, похожее на родимое, – единственное его приобретение после означенной процедуры. При этом почти все были в курсе, что он отщепенец-заправщик. Однако мало кто знал, что он сможет стать Лоцманом, после того как Пелена падет.

– Пятнадцать дней максимум. Минимум – три. Хотя в минимуме я не уверен. Может и сегодня все накрыться... Хотя это, разумеется, плохо.

Я кивнул: более точно рассчитать день и час исчезновения Пелены очень трудно. Если, конечно, у тебя нет непосредственного допуска к Пелене. Как у стражей...

– Падение сколько процентов? – спросил я.

– Семь.

– По моим подсчетам пять.

– Плохо дело. То есть для нас хорошо. Но для тех, кто засел в резиденции, – плохо.

«Плохо» – было любимым словечком Черного Кролика. Как вы уже догадались, Черный Кролик был пессимистом. Как-то раз я посчитал: за вечер он сказал «плохо» сто двадцать семь раз. Тот день выдался особенно неудачным. Обычно Кролик говорит «плохо» за время игры в «Тощей корове» раз пятьдесят.

Интересно, в этот раз наследники магистра попытаются сохранить преемственность или кинутся драпать, как только барьер устойчивости будет пройден? Надеюсь, среди них не окажется идиотов и они предпочтут бегство. Это я говорю не из человеколюбия, а потому, что всегда есть небольшая вероятность сохранить Пелену. Работы над созданием преемственности начал еще магистр Бертран, но еще никому не удалось передать Пелену закона по наследству.

Шанс на это один из четырех миллионов – я однажды ради смеха подсчитал вероятность, – но все же не ноль, а значит, все возможно.

– Подъемы были?

– Нет. Падение непрерывное, хоть и медленное. Уверен, рванет внезапно. Это плохо.

Здесь я был с ним полностью согласен.

Кролик, в отличие от меня, ощущает уровень Пелены постоянно. С такими данными ему бы не заправщиком работать, а сидеть в канцелярии магистра. Но, раз он не вошел в команду победителей, значит, выше заправщика ему не подняться. Если ты можешь управлять синевой, у тебя в жизни два пути – стать законником или отщепенцем. Мы с Кроликом, скорее всего, так всю жизнь и пребудем отщепенцами, даже если Пелена будет меняться каждый год.

– Наверняка уровень стараются стабилизировать всеми силами, внешними силами, разумеется, потому что внутренних уже не осталось, – продолжал Кролик. – Если бы они были, я бы время от времени ощущал всплески энергии в Пелене.

Внешние силы в данном случае – это когда сердце магистра заставляют биться с помощью оборудования. Энергии требуется уйма, и то лишь затем, чтобы поддержать Пелену несколько дней или даже часов. Но это даст кое-кому шанс подготовиться. Тому, на кого поставят сподвижники умирающего магистра в предстоящей драке за Двойную башню.

Я понимающе кивнул:

– Скоро почувствуют все.

Мы говорили банальности. Наверное, в такие моменты банальные слова звучат как-то по-особому. Или мы слишком долго сидели под покровом Пелены? Вроде бы нет, пятнадцать лет не такой уж значительный срок. Правда, предыдущий период длился два года, а до этого Пелена держалась двадцать пять лет. Еще до этого – семнадцать. А вот прежде была чехарда. Год, три, семь... Отсчет обратный. Более давней периодизации я не помнил. Это Граф знал на память всех магистров, начиная с Бертрана, и все даты хаоса.

– Хочешь кого-нибудь предупредить? – спросил я.

– Уже нет. А ты?

– Всех, кого хотел, предупредил.

– Ну и много этих всех?

– Один человек. Поэт. – Полину я упоминать, разумеется, не стал.

Кролик заржал. Я никогда не слышал, как смеются кролики, но мне почему-то кажется, что эти пушистые зверьки должны хихикать так, как наш Черный Кролик.

– Что делаем завтра? – спросил я.

– Идем к Максусу смотреть гонки.

– У него же стереовид сдох... И потом, учитывая грядущее падение Пелены...

– Гонки – это святое! – перебил меня Кролик. – Макс сказал, что только ради гонок починил ящик...

– Ну, если Макс сказал... – Макс замечательный человек, но если что-то принимается чинить, то ломает окончательно. Для меня до сих пор загадка, как он работает заправщиком и не сжигает при этом каждый раз дотла дома и тачки.

– Соврал, конечно! – вздохнул Кролик, не хуже меня осведомленный о Максусовых способностях. – Как же плохо! Это последние гонки перед хаосом.

Гонки на синеве проходят в сотнях миль от нашего острова у берегов Северного архипелага. Но Кролик с Максусом не пропускают ни одного репортажа. У каждого из них свой фаворит. Тощий Кролик болеет за толстого Боя, а упитанный Макс – за хилыка и коротышку Ларри. Они каждый раз заставляют меня смотреть гонки вместе с ними. Поначалу я болел за Боя, потом за Ларри и, наконец, чтобы не ссориться ни с Максусом, ни с Кроликом, выбрал себе в любимцы самого распоследнего неудачника по прозвищу Тормоз. Ну и как только я его выбрал, Тормоз

начал побеждать. С тех пор из Тормоза его переименовали в Волшебника, а я стал подбирать себе другого фаворита... Правда, с кандидатурой я определюсь после того, как хаос минует.

– Вообще-то пора не чинить стереовиды, все равно в ближайшие дни они работать не будут, – заметил я, – а делать здоровенные дверные замки. Стальные замки без синьки.

– Я таким уже запасся, – Кролик подался вперед с видом заговорщика. – А еще...

– Ребята! – Максим навис над нами, как нависает медведь над своей жертвой. – Слышали новость? Наверняка нет!

– Вообще-то это на заправке Сина случилась драчка! – сообщил Кролик. – Так что мы...

– Какое мне дело до какой-то драчки у Сина! – возмутился Макс. – Тут дело вселенского масштаба. Вселенского! – Макс грохнул кулаком по столу. – Я опаздывал в «Корову» и гнал с превышением. Меня остановили!

– Кто бы сомневался! – пожал плечами Кролик. – Я...

– Молчи, ушастый! Меня остановил квартальный страж! И – слушайте дальше! – Максим многозначительно поднял палец.

– Ну... – сказали мы с Кроликом хором.

– Он не выписал мне штраф! Понимаете? *Не* выписал квитанцию! Он просто протянул руку и сказал: «Десять монет».

Максим демонстративно вытянул свою лапищу, растопырив пальцы.

– Понимаете, о чем я?

Мы с Кроликом в унисон кивнули.

– Конец света неизбежен, – сказал я.

– Плохо, – добавил Кролик.

– И я о том же. – Максим сел за столик, схватил кружку Кролика и осушил залпом.

– Вообще-то это моя кружка, – сказал Кролик.

– А моя?

– Вон та.

Макс опрокинул и ее.

– Ну а что за драчка на заправке?

Я кратко изложил цепь событий, не упоминая про футляр. В урезанном виде все выглядело так, будто я согласился на тройную оплату. Но обмануть Макса не удалось:

– Значит, кристалл у тебя?

– Он похож на идиота? – вмешался Кролик. – Разумеется, Син его перепрятал.

– Молчи, ушастый... Сейчас время не триндеть попусту, а разрабатывать план. Значит, у нас есть кристалл, Лоцман, Создатель волны и Разрушитель-охранник. – Максим ударил себя кулаком в грудь. – А вскорости – исчезновение Пелены, хаос и – битва за Двойную башню! – Макс улыбнулся. – Обожаю драку.

Все считают его крутым, наверное, из-за внешности: в Максиме почти два метра роста, широченные плечи, ноги – толще, чем у Дайны, и грива не хуже, хотя он не делает начесов, а вместо подушкообразной груди у нашего друга шарообразный живот. К тому же он носит поверх рубахи жетон ветерана. Он в самом деле служил два года – сидел на Черном плато и следил за волнами Океана, что рвутся к Альбе Магне сквозь Барьерный риф. То есть он ежедневно замерял градиент понижения синевы от Барьерного рифа к острову.

Макс – синоптик.

– Вообще-то я не собирался драться, – сказал я.

– Зачем тогда взял кристалл?

– Я не... – Слов не нашлось.

– Вот именно! Ты очень хотел подраться. Просто притворялся все эти пятнадцать лет, как и мы все, – заключил Макс и потребовал у проходящей мимо официантки еще пива.

– Я лично не притворялся, я в самом деле не люблю драться. Хаос – это плохо, – заявил Кролик.

– Ага, будем еще пятнадцать лет сидеть и обсуждать подробности нашей никчемной жизни да плакаться на груди друг у друга, – кивнул Максим. – А знаете, почему вы, кролики, трусливо поджали хвосты и готовы забраться под стол?

– Кролики не поджимают хвосты, – заметил я.

– А вы такие, которые поджимают! – рявкнул Макс. – Знаете, как рассуждают кролики?

– Конечно же, нет, – ответил Кролик.

– А рассуждают они так: если я и дальше буду сидеть в «Тощей корове», то могу до самой смерти считать себя гениальным кроликом. А если вылезу из норки, ввяжусь в драку и проиграю, то пойму, что я жалкая ничтожная тварь и уже никогда не найду утешения ни в одной самой глубокой норке, ни с одной самой распрекрасной крольчихой.

Макс схватил принесенную официанткой кружку и присосался к ней намертво. Я пододвинул свою поближе к себе и подальше от Макса. Кролик сделал то же самое.

– Ты не учел еще один важный фактор, – напомнил я.

– Какой?

– С нас могут содрать наши мягкие теплые шубки, – сказав это, я невольно зябко повел плечами.

Кролик сделал пару глотков, потом отставил кружку, вновь подался вперед, чуть ли не распластавшись по столу, и прошептал:

– У нас есть замо́к...

– Ты говорил про замо́к, – напомнил я.

– Замо́к тоже есть. Мой замо́к для за́мка.

– У кроликов не бывает замо́ков, только норки, – сказал Макс и одним глотком высосал содержимое кружки Кролика.

– А у меня есть именно замо́к. Вы не поверите, если узнаете, где он и чей... Но я не скажу. Это тайна. Вот ключ! – Он показал настоящий металлический ключ от механического замка. – Сказать, где находится моя крепость? – С выдержкой у него были явные проблемы.

– Нет, Кролик, ничего не говори про свою нору, – прорычал Макс.

Если бы я в самом деле нашел укрытие на случай хаоса, то не стал бы говорить об этом ни единой живой душе. Я стараюсь быть мудрым, правда, пока у меня это плохо получается. Но Кролик считает, что у него не должно быть от нас секретов.

– Кролик, – остерег его я, – молчи. И помни – кролики кричат только перед смертью.

– Вы – мои друзья? – У Кролика глаза вдруг странно заблестели.

– Да хоть трижды друзья! Молчи! – Макс покраснел, потом полиловел.

– Хорошо... я вот что скажу: я нарисовал маршрут движения от замка до Двойной башни.

Он оптимален, – сообщил Черный Кролик.

Как я уже говорил – Кролик был Лоцманом. А вот насколько хорошим, нам всем предстояло проверить. Впрочем, и мою квалификацию Создателя волны тоже еще никто не подтвердил. Как и способности Макса. В полосу хаоса мы все вступали в статусе дилетантов.

* * *

Когда мы с Максом вышли из заведения Дайны (Кролик обычно задерживался там до самого закрытия, то есть до утра), на Альбу уже давно опустилась ночь. Впрочем, небо вблизи Океана никогда не бывает черным – только темно-синим. Сейчас под серебряным блюдцем луны неподвижно висело дымчатое облачко, похожее на раздутый уродливый портфель Графа. Вокруг стоянки горели фонари – розовые плафоны на черных подставках. Где-то неподалеку

едва слышно работали поливальные установки – в свете фонарей я видел розоватый водяной туман.

Я хотел полюбоваться этой картинкой – учитывая, что в ближайшие ночи вряд ли будет до прогулок. Но мне помешали.

Эти трое пацанов окружили девчонку на стоянке и предвкушали потеху. Надеюсь, не слишком грубую. Пелена еще не пала и не падет до утра, как бы там ни чудили в Двойной башне. Обычно в такое время активизируются воришки и хулиганы. Насильники и убийцы пока еще чувствуют узду – они выходят на охоту позже.

– Глянь-ка, Тиг, какие чулочки она надела! – хмыкнул рыжий детина.

– А трусики тоже ажурные? – подхватил глумливо второй, высокий и тощий. – Надо проверить.

Кажется, я ошибся. Эти ребята решили поохотиться до того, как начнется основная потеха. О, синева! Куда же катится мир!

– Отойдите! – Девчонка сжала кулаки.

После чего троица заржала. Тощий парень ухватил девушку за локти. Он хихикал громче всех, но тощий был в этой компании отнюдь не главный – самолично он сорвал бы с шеи девчонки кулон да бежал без оглядки. Главный – вон тот рыжий, коренастый накачанный тип с бычьей шеей, чья крашеная огненная шевелюра была заметна издали. Третий в компании, узкоплечий хлюпик с длинным красным носом, постоянно озирался.

Рыжий ухватил девчонку за подол юбки. Девушка изо всей силы ударила его ногой.

Парень отскочил.

– Ах ты... – Он замахнулся и закатил девчонке пощечину.

Я сунул руку в карман куртки. У меня там был комок пены. Я мог бы швырнуть ею в парня, если бы он стоял чуть дальше. Но сейчас, если я попытаюсь его опутать, нити наверняка заденут девчонку.

– Макс... Порезвимся? – спросил я, ускоряя шаг.

– Ты очень этого хочешь?

– Представь, очень.

– Ну давай!

И мы понеслись к этим типам. То есть я понесся, а Макс сразу отстал, хотя и пытался старательно следом.

Я давно узнал девчонку. Это была фея. Ну, та самая, с глазами серо-серо-голубыми. Полина.

Мы бежали, я грохотал подкованными каблуками по булыжникам мостовой и вопил:

– Уроды!

Макс тоже вопил:

– Урою! Убью... Жжем синеву! – и прочее в том же духе. При этом я отчаянно гримасничал, зная, какое впечатление это производит при встрече лицом к лицу.

Пока Пелена еще держится, таких придурков вполне можно взять на испуг. К тому же стражи пока что делают свою работу. Кое-как, но делают. А значит, они должны здесь объявиться с минуты на минуту.

Рыжий обернулся:

– А вот и защитнички.

Верно, он не разглядел моего лица – фонарь светил мне в спину, иначе комментарий был совсем другим. Если бы вообще был. Рыжий ухмыльнулся и шагнул мне навстречу.

Зря он это сделал. Единственное, что его защищало, – это близость феи. А теперь... Во-первых, он наконец разглядел мою физию и окаменел, а во-вторых, я бросил в него шарик – издали очень похожий на комок изжеванной бумаги, которыми плюются через трубочки в школе на уроках. Только это был очень большой комок, и от него во все стороны, развеваясь,

тянулись белые нити. Рыжий запоздало попытался пригнуться, но комок последовал за ним – вернее за его бычьей шеей, – нити выпрямились, сплелись в веревку, которая крепко оплелась вокруг шеи парня. Я чуть дернул все еще вытянутую руку на себя, и парень опрокинулся на спину.

Тощий, что держал Полину за локти, слабо пискнул и разжал руки. Она обернулась и влепила ему затрещину с таким звоном, будто башка у парня была медной.

Не сговариваясь, тощий и хлюпик пустились наутек. Кажется, они что-то при этом еще кричали. Что-то, очень похожее на слово: «Мама!»

Как раз в этот момент Макс, отдуваясь, поравнялся со мной.

– Сволочи! – Полина помчалась за обидчиками, но, пробежав шагов двадцать, остановилась, оторвала от какой-то тачки зеркало заднего вида и швырнула удиравшим вслед.

Рыжий тем временем отчаянно молотил пятками по мостовой и безуспешно пытался содрать с шеи удавку.

– Ну надо же, как хорошо! – проговорил я и, встав так, чтобы свет падал мне на лицо, наклонился над пленником и оскалился.

У того глаза окончательно вылезли из орбит. Думаю, этот миг он не забудет до конца жизни.

– Отпусти его, – раздался голос женщины.

Уточняю – голос женщины-стража. Из-за ближайшей тачки вышла Мэй. Тонкая гибкая фигура, затянутая в темно-синюю кожу форменной куртки, полоска такой же темной кожи вокруг головы. Черные волосы трепал ветер. Вот же синь, до чего эффектная девица!

– Привет, Мэй! Давно наблюдаешь? – спросил я, распрямляясь.

– Отпусти, – повторила она ледяным тоном.

Разумеется, если я не подчинюсь, она может запрятать меня на все оставшиеся от Пелены дни за Врата Печали – хотя бы на нулевой предварительный уровень, но даже на предварительный уровень мне совсем не хотелось лезть.

– Свободен! – Я шелкнул пальцами, и моя удавка распалась, превратилась просто в ворох рыхлых белых ниток. Я приманил их и вновь собрал в комок.

Рыжий сел и судорожно хлебнул воздух. Вокруг него на мостовой расплывалась темная лужа. Парень заскулил и попытался отползти в сторону на четвереньках.

– Могла бы и вмешаться, – заметил я. – Когда обижают детей.

– Я не ребенок! – крикнула фея издалека.

– Это я себя имел в виду... И еще Макса, – добавил я после паузы.

Мэй ничего не ответила, подошла к парню сзади и защелкнула у того на запястьях наручники.

– Минус третий уровень тебе гарантирован – твои отпечатки в Пелене, – сообщила она рыжему.

Тот что-то прохрипел в ответ, давясь кашлем.

Мэй ухватила арестанта за шкирку и повела к своей тачке – синяя мигалка включилась при ее приближении.

– Подстели под него клееночку! – крикнул я вслед.

Полина тем временем вернулась.

– Заправщик? – Она только теперь меня узнала.

Или притворилась, что только теперь. Я простил ей эту невинную игру. Феям принято многое прощать, пока они не превратились в злобных фурий.

– Ты здорово врезала тому парню, – заметил я. – Наверняка завтра у него вся морда распухнет.

– Да ладно... всего-то одна пощечина. Он заслужил.

– Да, я слышал – гул шел на всю стоянку.

Мэй тем временем врубил мотор, и ее тачка демонстративно медленно проехала мимо нас.

– Позвольте вас проводить, Полина, – галантно предложил я фею.

– Ну, я и сама могу пойти...

На мое лицо не каждый может смотреть без содроганий. Но Полина прежде смотрела, так мне, во всяком случае, казалось. Но сейчас как будто чего-то устыдилась, каких-то своих мыслей в мой адрес, и опустила глаза.

– У тебя есть провожатый? – спросил я.

– Да зачем?..

– Думаешь, этот рыжий один такой? Пелена ползет по швам. Рыжего нахала должно было обездвигнуть, как только он тебя ударил. А ему хоть бы хны... По-моему, одного приключения на сегодня вполне достаточно.

Я не спрашивал, что она здесь делала, возле таверны Дайны, где девчонке в одиночку не следует появляться даже в ночи самой стабильной Пелены. Полина как будто услышала мои мысли.

– Мы гуляли по набережной, смотрели на Океан. Ну, я думала, меня проводят. Но он... – «Он» было произнесено с убийственным презрением, – сказал, что его мама будет ругаться, если он еще задержится, а он не может нервировать свою обожаемую мамулю. И вообще Пелена запрещает несовершеннолетним гулять ночью.

– Где ты его нашла такого?

– В театре... Мы были вместе в театре. Про запрет на прогулки, кстати, вранье. Я всю жизнь гуляю...

– Идем, подброшу тебя до дома, – прервал я ее рассуждения, благо мне не надо отклоняться от маршрута. В этом плане удобно подвозить соседку.

– Ты обещал меня доставить до моей конуры, – напомнил Макс.

– О да, разумеется. Я свое слово всегда держу. И уже не боюсь, что мама заругается.

Полина рассмеялась. Хорошо рассмеялась, без надрыва. Значит, тем уродом не слишком дорожила. А мне стало грустно. Меня-то мама уже никогда больше не отругает.

Мы подошли к моей колымаге, и только в этот момент я понял, от какой тачки Полина отломала зеркало. Похоже, мы поняли это одновременно.

– Я не хотела! – призналась вредная фея. – То есть не думала, что это ваша... Может, я пойду поищу, оно не могло далеко улететь...

Я отодрал от лобового стекла синий листок. Мэй, удаляясь, на ходу прилепила к моей развалюхе штраф за езду без зеркала.

– Не стоит. Я твою забаву уже оплатил.

Я открыл дверцу и склонился в полупоклоне:

– Прошу, Полли.

Уверен, что она терпеть не может, когда ее так называют. Но и я не люблю, когда от моей тачки отламывают какие-нибудь части, пусть даже и из самых героических побуждений. Фея сверкнула своими серо-серо-синими глазами в безуспешной попытке меня испепелить и уселась на заднее сиденье. Макс, разумеется, сел рядом со мной, хотя я бы предпочел иную диспозицию.

– Вот же синь! – вздохнул Макс. – Надо мне было догнать тех парней и побить.

Полина насмешливо фыркнула. Усомнилась она, разумеется, не в заявлении «побить», а в предыдущем действии – «догнать».

– А что, я, между прочим, на соревнованиях в школе выиграл первый приз, – вспомнил Макс.

– Неужели? – ехидно спросила Полина.

– Забег на милью, – не моргнув глазом, заявил Максим. – В десятом классе. Я был тогда тощий-претощий, меня ветер подхватывал и нес.

– А ты, заправщик, хорошо бегаешь? – спросила фея.

– Всю жизнь терпеть не мог школьные соревнования, – признался я.

По счастью, зеркало в салоне она не успела оторвать, и я увидел, как она улыбнулась. Я люблю, когда мне улыбаются, а это бывает довольно редко, учитывая, что сделали с моим лицом в момент обращения.

Я вырулил со стоянки и, проезжая мимо фонаря, перевернул оставленный Мэй листок. На обороте было написано: «Три ночи, два дня». Даже Кролик предрекал Пелене больше.

Разумеется, я не собирался оплачивать штраф – падение Пелены спишет все старые долги чохом.

* * *

По дороге было принято единогласное решение – сначала едем к Максусу, ну а потом мы с Полиной отбываем домой. Люблю такие минуты, когда никто друг с другом не спорит и не доказывает, что он должен быть главным. Правда, очень скоро мне становится скучно.

Максим был в нашем предстоящем деле незаменим. Я уже говорил, что по образованию он синоптик, а в грядущие дни хаоса, не зная, что может выкинуть Океан, нечего было соваться в драку. Макс два года отслужил на Черном плато, там, где, минуя море Неподвижности, на Альбу Магну время от времени вываливаются бешеные ветры, сдувая всякую растительность и превращая поверхность острова в этом месте в ровный стол. Служба там не сахар – тоска смертная. Макс развлекался тем, что время от времени объявлял видимость миллион на миллион, а через пару часов сообщал: «Дымка-сто» и отменял разрешение на полеты. Пилоты возвращались домой, и Макс с удовольствием наблюдал, как из окон трехэтажной казармы выпрыгивают механики и заправщики, фельдшеры и сантехники. Макс называл такие мгновения «телопадом». После этого следовал грохот разбиваемой мебели, мужские крики и женский визг. Половина женского населения поселка после очередной Максовой шутки блистала многочисленными синяками на физиономии, а его самого пару раз отлавливали разгневанные женки и один раз – прозревшие против воли мужья. Именно так он обзавелся шрамом на скуле и гордо именовал его боевым.

После выхода в отставку на крыше своего дома Максим построил маленькую метеостанцию. При первом взгляде на оборудование было ясно, что все эти штуки Макс спер с военного склада, когда покидал армию. А покинул ее он пятнадцать лет назад, когда пришел хаос. Потому что с падением Пелены армия самораспускается. В такие дни с армейских складов каждый тащит все, что плохо лежит, – от ракет, запроваженных синькой и, значит, как оружие совершенно бесполезных при хаосе, пистолетов, гранат и кончая старыми сапогами. Поэтому Альба Магна не держит на суше серьезного оружия – все расположено на кораблях вне Пелены, и каждый крейсер или миноносец, да что там крейсер – каждый катер имеет свой управляющий кристалл. В некотором роде армия Магны неподвластна Пелене. Но власть собственного кристалла порой бывает куда страшнее, чем общий покров.

Ладно, это я отвлекся... Так вот, в дни хаоса Максим сумел спереть оборудование метеостанции. В частной жизни оно не имело никакой ценности, но Макс был фанатиком своего дела и наблюдал за синевой годы и годы – правда, уже не со станции, а с крыши своего дома на горюшке Шестого круга. Отсюда как на ладони видны были ближайшие кварталы и вдали – Жемчужная гавань. Что касается его армейской добычи, то он стащил набор ртутных термометров, но половину из них в дороге перебил. На стене у него вместо часов висел барометр, а под ним стоял барограф, самописец которого ничего давно не рисовал, а бумажная лента отсутствовала. Ящик метеосфер и теодолит он выставил на крышу, здесь же на шесте кра-

совалась вертушка, правда, ни к чему не прикрепленная, она миленько так вращалась и трещала под действием ветра. Прибор видимости Макс переть не стал – он и в армии производил расчеты на глаз. Если над Океаном он мог различить гряду рифов на море Неподвижности, значит, видимость на все восемь миль, если нет – то меньше. Еще Макс упер из армии целую пачку шаблонов карт, на которых он то и дело пускался рисовать изобары синевы, фронты и шествующие с Океана циклоны. Приборы, с помощью которых измеряют градиент синевы, работают на кристаллах, которые в народе называют «мелкой солью». Про соль я, кажется, уже говорил... Ладно, проехали. С помощью мелкой соли нельзя даже украсть пачку чипсов в магазине, но все равно хранить соль приходится в шкатулках из черного дерева. Шкатулок Макс утащил штук сорок. Когда мне нужна была новая для хранения моего браслета – я забирал очередную у Макса.

Макс до сих пор каждый день отмечает на картах градиент понижения синевы к берегам острова. По градиенту можно, пусть и приблизительно, установить прочность Пелены. Все последние дни градиент увеличивался. А это значит – Океан наступает, давит на Пелену и в ближайшие дни начнет затоплять пирсы и бухту. Ну а потом он бросится на остров.

* * *

Макс жил в Трупном квартале. «Трупный» – это не потому, что рядом находилось кладбище или морг, а потому что это самый старый квартал в городе. Все дома вокруг уже по многу раз покрывались реставрационными сетками. Ремонт в этих районах Альбы выглядит всегда одинаково – поверх слоя штукатурки накладывают сетку из синевы, чтобы штукатурка держалась. Но новый слой обычно так тонок, что сетка просвечивает. Фасад здания, который отремонтировали по первому разу, похож на нарисованный в ученической тетради домик. Два слоя – это уже ближе к паутине. Три, четыре, пять слоев (а в старом городе их обычно больше десятка) – и дом приобретает синюшный оттенок, столичные жители такие дома в шутку называют покойническими. Максим обитал в двухэтажном домике, где снимал второй этаж и мансарду с выходом на крышу. Вход с улицы у него был отдельный – крутая каменная лестница заканчивалась маленькой террасой как раз у его дверей. За аренду Макс платил с задержкой в полгода – дольше было нельзя, неплательщикам грозил минус первый уровень.

«Но полгода хаос мне непременно спишет», – с видом гения напоминал мой друг.

Впрочем, у каждого из нас была подобная заначка для хаоса. Один тянул с оплатой квартиры, другой придерживал алименты на ребенка. Живя под покровом Пелены закона, мы почти всегда мечтали малость сжульничать. Я лично до последнего откладывал оплату штрафов – а штрафовали меня постоянно. Кажется, на штрафы я тратил больше, чем на жарчку.

Машину я оставил на площадке, а потом мы двинулись по крутой каменной лестнице наверх. Справа шла глухая стена, слева – шаткие ажурные перильца. Чем выше мы поднимались, тем шире открывалась панорама синих черепичных крыш. Уж не ведаю, какой там замок отыскал наш Кролик, но это место идеально подходило для замка. Вот только сам дом вызывал у меня сомнения.

– Смотрите! – закричала Полина и ткнула пальцем вверх.

В темной синеве неба, покачиваясь, плыл воздушный шар. Белый с зелеными полосами, он медленно удалялся в сторону Океана.

– Вот же синь! Нас опередили! – прорычал Макс и, пыхтя, чуть ли не бегом помчался вверх по лестнице.

Удивительно, но догнать я его сумел лишь у самых дверей домика. Поминая всех богов синевы, Макс возился с замком. Пелена, хоть умри, но не желала открывать дверь законному хозяину. Наконец, после десятого или двадцатого требования, замок открылся. Макс ринулся на крышу – к своим метеосарам. Мы с Полиной последовали за синоптиком.

На крыше у Макса был расчищен небольшой кусочек пространства под три плетеных кресла и деревянный одноногий столик – здесь мы втроем: я, Макс и Кролик – любили по вечерам, когда не играли в «Тощей корове», сидеть, глядя на Жемчужную гавань, и попивать «Дон Чезе» или холодное пиво. В углу просторной террасы скопилась высоченная куча хлама. Макс терпеть не мог выбрасывать старые вещи. Все, что портилось, не работало, перегорало, он притаскивал сюда, на крышу. Ломаные корзины, наполненные пустыми банками, дырявые кастрюли, старые башмаки и куртки, битые тарелки и чашки, бутылки от выпитых вин, коробки и коробочки всех мастей. Мне всегда казалось, что до дна этой кучи добраться невозможно. Растащить ей помогали две сошедшиеся углом стены соседних домов, которые были на два этажа выше Максовой клетушки. Чтобы кучу не мочило дождем, Макс натянул над своим хламовником брезентовый тент. Эту выставку ненужности Макс любовно именовал «моя кладовая».

– Что он делает? Отправляет послание на Барьерный риф? – Округлившимися от восторга глазами Полина смотрела, как Макс наполняет гелием свой метеосар.

Макс ничего не ответил.

– Просто Макс поклялся, что в этот раз первым запустит шар, не подчинимый Пелене, – сообщил я с каким-то мальчишеским самодовольством.

– Еще один! – воскликнула Полина.

Могла бы и не кричать. Теперь монгольфьеров становилось больше. Маленькими стайками по пять-шесть разноцветных пузырей они уходили к Барьерному рифу. Почему их так называют – не ведаю, наверное, по имени народа, который вел жизнь исключительно в воздушном океане, бороздя просторы над Океаном энергетическим. Судя по тому, что там и здесь над корзиной вспыхивали оранжевые отсветы горелок, самые отчаянные воздухоплаватели уже пустились в путь.

– А вы что, этот маленький шарик запускаете? – изумилась Полина.

– Угу, – отозвался Максим.

Над нами как раз проплывало очередное полосатое чудо. Корзина покачивалась в каком-нибудь десятке метров над срезом крыш.

Я достал из кармана моток кружев, положил на ладонь, дунул... и тонкая нить паутинкой поплыла по воздуху, нагоняя медлительный шар. Через пару минут она прилепилась к корзине. Другой конец нити Макс уже присоединил к своему шару.

– Ну, в путь, малыш! – завопил он.

Мы смотрели, как они удаляются в сторону Океана – огромный красно-синий воздушный монстр и наш простенький белый шарик ручной собачкой на поводке.

– Вы уже не первые... – вздохнула Полина.

– Как раз мы – первые, – уточнил я. – Этих радужных монстров Пелена уничтожит. Они сорвались в путь слишком рано. Это особенность первых – они всегда опережают время и погибают. А наша крошка наверняка проскочит.

– И что это даст?

Я сделал эффектную паузу, позволив Полине целую минуту умирать от любопытства.

– Ничего ровным счетом. Просто иногда приятно быть первым хоть в чем-то.

Так мы стояли на крыше Максова дома и, задрав головы, смотрели, как плывут в темно-синем небе огромные воздушные шары.

Каждый думал об одном: грядет хаос.

* * *

Я отвез Полину домой, а потом, зайдя к себе на второй этаж, в комнатку над конторой, выгреб первый ряд книг из огромного дубового шкафа, вынул из второго ряда энциклопедии

дию и открыл. На страницах не было текста – они были аккуратно вырезаны, и внутри лежал футляр из черного дерева с золотым тиснением «Леонардо». В этом футляре находилась золотая оправка без стекол. Я не рискнул открывать его. Даже ослабевшая Пелена может засесть мое непослушание: оправка эта не зарегистрирована, у меня нет на нее разрешения. Золотая оправка – это генератор волны. Без нее победить в драке за Двойную башню невозможно.

Я спрятал футляр с оправкой в нагрудный карман спецовки. Пять лет она пролежала в тайнике. Пора бы и на волю, родная...

Глава 3

Я поставил три будильника. Один прозвонил на рассвете, второй через полчаса, третий – через час. После третьего звонка я все же выбрался из кровати. Подъем для меня – самая трудная процедура на свете. Посему я предпочитаю развозить заказы после полуночи. Подъехать, закачать титановые баки у дома концентратом, пробить жетон и тихо удалиться. А потом можно сладко спать или валяться в кровати до полудня – вывеска на моей заправке гласит, что она открывается в тот же миг, как выстрелит на бастионе старого форта пушка. Обожаю эти часы ни с чем не сравнимого покоя, тишины и неспешных бесед... С кем? Не буду говорить, мне все равно никто не поверит.

Хотя раз в неделю ни свет ни заря меня будит какой-нибудь придурок.

Однако этим утром я сам по доброй воле выдернул себя из койки, потому что за два оставшихся дня я должен был доделать все, что не сделал за предыдущие пятнадцать лет. А я много чего сделать не успел. Последние два года я бездельничал: жил себе тихо-мирно, пресовал синеву, ровно столько, чтобы хватало на оплату налогов, жратву и пару новых штанов и куртку раз в месяц – концентрат разъедает любую ткань не хуже кислоты, а титановые портки еще не придумали.

Я всегда мечтал о легкой жизни. Почему-то у каждого эта мечта бывает разной степени легкости. Мою можно было назвать средней – я готов был ради грядущей легкости сильно расстараться однажды в жизни – а не только лежать на диване, строя грандиозные планы. Но пятнадцать лет назад я дал себе слово не ввязываться в драку. Увы, как говорится, благими намерениями выстлано все дно Океана. Потому что с тех пор уже не раз я данное себе слово нарушал. А если бы не нарушал – не оказался бы вновь на нашем чудном острове под покровом Пелены, а жил бы где-нибудь на Северном архипелаге в приличном домике и... работал на заправке. Как видите, жизнь, сука, такая разнообразная!

Теперь у меня есть кристалл, и – чтоб мне утонуть в синеве! – я не могу его никому отдать. У меня есть Черный Кролик – то бишь Лоцман. И еще – Макс, крутой на вид чувак под два метра. На самом деле я беру его в команду не из-за роста, а из-за профессии. Он – синоптик. И еще он умеет крошить кристаллы в хлам. То есть он Разрушитель. Подводим предварительный итог: в плюсе пока совсем немного, учитывая стоящую перед нами задачу, но уже кое-что. И еще у нас хата Макса, которую, на худой конец, можно использовать как замок. Мифическую норку Кролика я пока в расчет не брал.

Но главное, я умею поднимать волну и даже рассчитал ее уравнение, правда очень-очень давно. Не то чтобы очень точно рассчитал, но достаточно для того, чтобы Лоцман с нею справился и направил к Двойной башне. Может быть, Максим прав (все-таки он ошибается только через раз): все эти годы я мечтал подраться. Но у меня не было кристалла и, значит, не было шанса на выигрыш. Посему я притворялся, что мне нет дела до предстоящей драки за Двойную башню.

И вдруг я нашел кристалл. Вернее, кристалл нашел меня.

Не попробовывать выиграть, если кто-то другой оплатил твои фишки, – глупо.

Вопрос звучал иначе: зачем этот другой решил за меня платить?

Я умылся, надел рабочий комбинезон и второй браслет. По одному браслету носит каждый житель нашего острова. Второй положен лишь заправщикам. Если соединить их определенным образом, даже без синьки можно прикончить человека или пережечь металлический прут. А можно зажарить собственный живот.

Каждый год случаются такие бяки – по пьяни или просто из-за забывчивости какой-нибудь заправщик не снимает на ночь браслет и во сне, нечаянно соединив руки, сжигает себе тело до костей.

Так что у меня над кроватью висит бронзовая табличка (излишне пояснять, что это работа Кролика):

«Береги яйца, отключай оборудование».

* * *

Еще до рассвета я приехал на пирс к насосной станции, волоча на прицепе цистерну. Дело в том, что синеву из Океана можно качать не ближе чем в полумиле от берега. Так что в Жемчужной гавани имеются четыре длинных пирса с насосными станциями. Я заправляюсь на первой станции, плачу раз в месяц по абонементу. Смотритель станции – обычный человек, не отщепенец и не законник – он просто включает свой рычащий насос и качает забортную синьку, пока я держу руки с браслетами на его агрегате. По закону, прописанному в Пелене, одновременно могут качать синеву только две станции, но сейчас, в воскресное утро, в бухте вообще не было ни души. Уходя от берега, пирс из серого превращался в синий, так что станцию вдали вообще не разглядеть. Впрочем, станция-то станция: слабосильная насосная установка под навесом, крошечный домик смотрителя, ну и плюс открытая площадка, огражденная деревянными перилами.

Сами пирсы были сложены из огромных гранитных обломков и кое-как залиты бетоном. Раствор засыхал с потеками, но, остановленный поверхностной защитной пленкой Океана, образовывал живописные наплывы. В отличие от суши, пирсы не имели опоры на твердую породу и фактически плавали над Океаном, соединенные с набережной бетонными перемычками. Дело в том, что в бетон добавляется соль кристаллов, как и в стальную обшивку кораблей. Тогда Океан обволакивает их защитной пленкой. В принципе, можно даже создать плавучий остров. Вот только для этого придется истолочь все существующие в мире кристаллы.

В дни хаоса волны ломали пирсы, как щепы. Помнится, пятнадцать лет назад в тот день, когда я примчался на набережную, чтобы взойти на борт «Виктории», три пирса из четырех смело волнами, Океан, бушуя, выбросил их на набережную, разломав на десятки крупных осколков и тысячи мелких. Они лежали стадом огромных каменно-бетонных левиафанов. Несколько человек взобрались на самый высокий обломок и смотрели, как укрошенный Океан отступает все дальше и дальше к Барьерному рифу.

Тут же на каменюге обосновалось несколько лодочников. Они тоже ждали – в первые час-два установления Пелены, пока новый магистр зачитывает свои законы, Пелена закона еще не действует – и этого времени должно было хватить, чтобы добраться до стоящей на рейде «Виктории» и ускользнуть с Альбы Магны без всяких разрешений, дозволений, виз и пропусков. Там, на этом обломке, я познакомился с Черным Кроликом.

Мы с Кроликом сидели на куске гранита, похожем на собачью морду, смотрели на недосяжимый пока лайнер и любовались Жемчужной гаванью – никогда больше: ни прежде, ни потом – я не видел ее такой красивой. Обычная серая галька пляжа сделалась либо фиолетовой, либо черной, а белые камешки так и остались белыми, отчего казалось, что Океан вынес на берег тысячи жемчужин.

Наконец-то я понял, откуда бухта получила свое название.

Я был уверен в тот день, что никогда не вернусь в Альбу Магну. Но я вернулся.

* * *

Смотритель, разумеется, дрых. Я бесцеремонно разбудил его и потребовал заполнить цистерну под завязку.

– Чтоб тебе утопиться в синеве! – пробормотал зритель, сползая с койки. – Ты же никогда не встаешь раньше полудня, Синяк! С какой радости ты притащился в воскресенье в такую рань?

– Ты что, не слышал, Зак, – мою заправку разгромили в хлам. Мне даже не на чем поджарить яичницу с беконом.

Разумеется, я лгал, но нынешняя Пелена позволяла мелкую ложь, хотя и фиксировала ее раз за разом, чтобы по итогам года ошарашить штрафом в две сотни бертранов. Главное преимущество заправщика – возможность держать дома практически неограниченное количество концентрата. И у меня в кладовой всегда имелось три неприкосновенных титановых баллона.

– Яичница с беконом! – возмутился Зак. – Когда в последний раз ты ее жарил в пять утра на рассвете?

Полное имя зрителя Захар, но все называют его либо Зак, либо Зах, и, по-моему, оба эти сокращения ему не нравятся.

– Ну, наверное, в тот день, когда я вообще не ложился, – прикинул я.

Он продолжал ворчать, но при этом скинул с причала обросшую сероватыми наростами застывшей пены кишку, подсоединил шланг насоса к цистерне и включил агрегат. Я положил ладони на отполированные до блеска ручки и повернул кольцо. Внизу тоскливо всхлипнул Океан. Мне всегда казалось, что в издаваемых волнами синевы звуках есть что-то от человеческих эмоций – боль, страх, симпатия, ненависть. Все это, разумеется, фантазии, у Океана нет информационного поля, как, например, у Пелены. Океан мертв – это энергетическая субстанция, которая никому не позволяет заглядывать в свою толщу. Пока что ни один предмет не удалось опустить в Океан глубже двух сотен метров, а когда в волнах оказывается живое, Океан высасывает жизнь минут за пятнадцать. Лишь призраки синевы способны погружаться в Океан. Но, уходя, они редко возвращаются на сушу. Кто знает, быть может, там, в глубине Океана, обитают боги? Во всяком случае, многие в это верят, и кое-кто даже поклоняется неведомым властителям синевы.

Пока насос заполнял цистерну, зритель сходил отлить, умылся, пожарил яичницу и сварил кофе. Потом он выключил насос, я вымыл под умывальником затекшие руки, и мы уселись на открытой террасе завтракать. Вид отсюда был отличный, утро ясным, мелкие волны синевы спешили к берегу. Уровень Океана понижается к суше (работа кристалла, разумеется), поэтому с берега казалось, что Океан вздымается огромным воздушным шаром и нависает над беззащитным островом. От этого зрелища захватывало дух и сладко сосало под ложечкой. Вечная застывшая волна, грозящая нас уничтожить. Все мы знали, как в дни хаоса Океан набрасывается на остров и волны синевы рвутся к Двойной башне. Вот тогда Океан бывает страшен.

Несколько яхт и лодок стояли у причала, а на рейде торчал огромный, будто кит в соленом Внутреннем море, пассажирский лайнер. «Виктория» дожидалась своих пассажиров.

– Видишь вон ту красотку? – Зак указал чашкой с кофе на самую большую белую яхту, что застыла у причала. – Знаешь, что за птичка?

Я пожал плечами. Эту яхту я прежде не видел, хотя бываю на насосной станции довольно часто и никогда не отказываю себе в удовольствии постоять часик-другой, облокотившись о перила, и поглазеть на бухту и на прозрачное небо – обожаю эту бесподобную лазурь над бесподобной синевой.

– «Психея» собственной персоной. Когда-то она принадлежала магистру Дэвиду. Ты его вряд ли помнишь – он умер семнадцать лет назад.

Зак ошибался – я помнил магистра Дэвида, мое детство и юность протекли под его дряхлеющей дланью. Кстати, к концу правления он эту длань самостоятельно уже был не в состоянии даже поднять. Что и неудивительно: двадцать пять лет в симбиозе с кристаллом и Пеленой – тут любой превратится в развалину!

– Давно она здесь? – Я сделал вид, что эта новость, если и удивила меня, то нисколько не заинтересовала.

– «Психея»? Пришла вчера рано утром.

Я вспомнил своего странного гостя, подаренный кристалл, и мне показалось, что эти два события связаны. Вчерашний посетитель вполне мог сойти с борта «Психеи». Весь вопрос – кто он и кем послан.

* * *

На обратном пути я не спешил – наблюдал за городом, как врач наблюдает за больным. Я искал симптомы. Они были, но весьма противоречивые... Вот парнишка лет четырнадцати засветил обрезком металлической трубы в витрину. Стекла брызнули, закричали прохожие, а сам хулиган повалился на мостовую в конвульсиях – Пелена вдарила по его браслету. Стражи приехали. Не слишком быстро, но приехали и повязали парня.

Думаю, мальчика кто-то подговорил на эту дурацкую выходку: кто-то более умный решил проверить Пелену на прочность.

Что ж – он выяснил: начинать драку рано.

Ну, я и без подобных экспериментов это хорошо знал.

* * *

Когда я подогнал «Каплю» к своей заправке, то увидел, что ворот у склада больше нет – они сорваны, и створки валяются возле кирпичной ограды соседнего участка – того самого, где стоял дом сероглазой феи; стекла в конторе разбиты, и стеклянным крошевом усеяна вся мостовая вокруг. В общем-то, я чего-то подобного ожидал: Мэй должна была за ночь сообразить, что где-то на заправке остался настоящий кристалл, а не смешной огрызок. Известно мне о спрятанном кристалле или нет – неважно, главное, она без труда сумела получить ордер на обыск и с утра за явилась в мое заведение. То, что меня не было дома, еще не препятствие к обыску. Пелена многое позволяет стражам.

Но зачем же так грубо?

– Мэй! Что за синь! Зачем было громить мою несчастную лавочку? – Я в самом деле обиделся.

Стражам достаточно всего лишь обратиться к Пелене, чтобы двери сами собой открылись перед ними. Я лично не пользуюсь недозволенными замками, не настолько глуп, чтобы дурить Пелену в таких вопросах.

– Мэй, ты еще здесь?

В этот момент мне почудилось какое-то движение в глубине конторы, где-то рядом с дверью. Я уловил это вовсе не зрением – просто ощутил колебание Пелены. Страж не может дать наводку, значит...

Тут до меня дошло, что громили мое заведение вовсе не стражи. Может, они, конечно, и побывали здесь с утра, может быть, даже все обыскали. Но теперь там, за дверью, прятался кто-то другой. А я как дурак не положил флягу с концентратом в карман – потому что ожидал именно стражей и того, что они меня при возвращении со станции обыщут. Фляга в кармане не была нарушением закона, но могла сильно разозлить Мэй и Антона. Если вчера стражи без всяких экивоков потребовали взятку у Макса, что помешает им сегодня двинуть мне по зубам? Даже учитывая хорошее отношение Мэй к моей персоне. Но ведь я был знаком с ней только под покровом Пелены. Никто не поручится, что в дни хаоса она меня не убьет.

Всего пяти процентов падения Пелены закона достаточно, чтобы получить от стража порядка в морду.

– Мэй, – канючил я, кружа на площадке перед раздолбанным складом и стараясь держаться под прикрытием его стены. – Замки-то подчиненные Пелене! Зачем было все ломать? Вам достаточно хлопнуть в ладоши в прямом смысле этого слова, и двери откроются.

Неизвестный внутри моей разгромленной конторы притаился, я уже почти совсем его не ощущал.

И тут за спиной я услышал шорох. Я обернулся, вскидывая руку, – сини у меня не было, но был комок кружевных ниток, точно такой же, что я использовал вчера. Я удержался в последнюю минуту. Верхом на стене сидела фея. Сегодня она была феей наполовину – мешковатые джинсы присутствовали, а вот вместо уродливого свитера она надела светло-серую блузку, полупрозрачную, с короткими рукавчиками.

В общем-то, я очень не вовремя на нее вылупился, на эти формы, едва прикрытые тонкой тканью.

– Берегись! – завопила фея, и тут на меня сзади кто-то набросился, тот, чье присутствие я лишь в последний момент ощутил.

Неведомый ухватил меня за горло и стал душить. Очень неприятно. В ответ я успел ухватить его за ухо – небольшая удача, если не учитывать браслеты. Силу в этот момент я мог закачивать только из себя и таки сумел выжать немного энергии из золотого обода на запястье. Парня тряхнуло, и он на мгновение оставил мое горло в покое. Я развернулся и вмазал ему кулаком. Всегда был уверен, что от подобного удара человек должен пасть к моим ногам и не двигаться. А этот только пошатнулся и отступил на шаг. Что ни говори, но порой мы себя переоцениваем.

Тут осколки стекла из двери несчастной моей конторы разлетелись со звоном. Я успел повернуться, чтобы увидеть, как второй тип мчится на меня разъяренным быком, и в руке у него сверкает нож. Какие неумелые бандиты! Да и где взяться умелым, если нас столько лет берегла Пелена!

Полина завизжала, сорвала с макушки ограды камень – видимо, он там держался на одной лишь старой паутине – и швырнула в лоб быку. Молодец, фея, попала! Бык крутанулся на месте, будто собирался завернуться винтом, и грохнулся на мостовую. Феи, знаете ли, иногда бывают опасными существами.

Как раз в этот момент и произошло второе пришествие стражей.

– Охрана порядка седьмого округа Альбы! – выкрикнула Мэй.

Жаль, столицу не переименовали в Засранск, как предлагал недоброй памяти магистр Башмачник. Он был большой шутник, и большинство шуток у него были отвратными. Но возглас: «Охрана порядка седьмого округа Засранска» звучал бы неплохо.

– Это они! – закричала Полина, тыкая пальцем сначала в одного громилу, потом в другого.

Мэй и Антон подхватили под белы ручки обоих и потащили к машине. Тот, кого я хлопнул браслетом, вдруг завопил:

– У него кристалл! Чтоб мне в синьке утопиться, у него кристалл! Ишт говорил – у него!

Крики смолкли – стражи затолкали моих невежливых посетителей в отделение для арестантов, и Антон укатил. А вот Мэй осталась. Быстрым движением заправила форменную рубашку в брюки, одернула куртку, протерла жетон на лацкане, откинула гриву черных волос с лица и направилась ко мне.

– Где ты был утром? – спросила тоном очень верного стража. Значит, в эту минуту Мэй была в чем-то не уверена. Что-то ее изумило, а стражи, работающие в Пелене, не должны удивляться. Ибо удивление есть чувство самостоятельное и, следовательно, опасное.

– На насосной станции. Смотритель подтвердит, – выпалил я заранее подготовленную фразу.

– Не сомневаюсь. – Мэй критически оглядела меня с головы до ног. – Кто этот Ишт, ты знаешь?

– Понятия не имею.

– Нападавшие? Ты с ними знаком?

– Теперь знаком. А пятнадцать минут назад даже не подозревал об их существовании.

Я был совершенно честен с Мэй, я понятия не имел, кто эти двое и кто такой Ишт. Правда, пояснить, что пришли они наверняка за кристаллом, я не стал.

– Нам надо поговорить, – заключила Мэй. – Может, позавтракаем вместе?

– А я вообще-то... я Полину пригласил! – Я сделал жест в сторону стены, уверенный, что моя фея все еще восседает там верхом.

И не ошибся.

– Точно, пригласил, – подтвердила юная врунья.

– Син, как тебе не стыдно, – вздохнула Мэй. – Девочке семнадцать. А тебе?

– Тридцать... четыре, кажется. Нет, тридцать два. Не так уж и много. Я могу до ста лет прожить. – Я старательно делал вид, что очень не хочу никуда идти с Мэй. Кажется, она мне верила.

– Не можешь. Свою физиономию ты давно в зеркале видел?

– Сегодня утром. Когда зубы чистил. У меня отличные зубы, я их берегу, – я оскалился. Зубы у меня в самом деле были идеальные – ровные, белые. Да и губы почти не пострадали – ведь в момент обращения на меня надели не только защитные очки, но и загубник, чтобы я не нахлебался синьки.

– Я могу подправить тебе улыбку, если ты не закроешь пасть, – пригрозила Мэй. – И речь не о зубах... и не о глазах... а обо всем остальном.

Я дернул себя за волосы:

– Это не парик. И потом, Полине нравится моя внешность.

– Это правда, – подтвердила фея. – Очень нравится. Заправщик самый прикольный.

– Пошли, – Мэй взяла меня под руку. – Мне тоже нравится твоя внешность, Син, во всяком случае временами. Я приглашаю тебя на завтрак, и я плачу. Вряд ли твоя Полли будет так щедра.

– Заправщик! – завопила Полина на всю улицу, видимо решив, что в этот момент все должны оторваться от своих утренних дел, высунуться из окон и полюбоваться на нас. – Стой! Подожди!

Я и не собирался убежать. Я не настолько чудак, чтобы бегать от фей.

– Подожди! – Полина спрыгнула с ограды в свой двор, и похоже, неудачно – из-за кладки послышалась ругань.

– Она сломала ногу, ей надо помочь! – Я даже изобразил, что пытаюсь вырваться из когтей Мэй. Разумеется, попытка оказалась безуспешной, зато еще больше усилила желание Мэй со мной побеседовать.

– Нет, не надо, – сурово сказала Мэй, сдавливая мой локоть, как клещами.

– Стойте! – закричала Полина, возникшая у нас на пути.

Какая радость, она не сломала ногу, а всего лишь стукнула колено – судя по тому, что она потирала его и морщилась.

– Никаких завтраков! – предостерегла Мэй таким тоном, будто собиралась добавить: или пристрелю.

– Вы хоть знаете, кого вчера убили тут во дворе перед заправкой? Знаете?

Мэй промолчала. Разумеется, она должна была знать, и то, что она не ответила Полине, мне не понравилось.

Я сказал:

– Нет. – И при этом смотрел на Мэй. Лейтенант кусала губы.

– Это же Архитектор! О, синева! Вы что, не слышали его «Вечную пену»?

Разумеется, я слышал. Я проигрывал ее вчера на старенькой музыкалке моей «Капли». Ну да, я слушал ее вчера, уже после того, как Архитектор ушел в вечную синь. Вот почему его лицо показалось мне таким знакомым – его фото мелькало в журналах, а постер с его концерта почти год висел у меня над кассой в конторке. Только Архитектор сильно изменился за последние годы. Вообще говоря, Архитектор редко появлялся у нас в Альбе – говорят, у него был замок где-то на одной из скал Малого Барьерного рифа. Сам-то я считаю, что это байки. У таких, как Архитектор, обычно не бывает ни гроша за душой, не говоря уже о замках. Однако он где-то взял кристалл минимум в двадцать карат. И разумеется, он сочинил свои песни, уходя из-под Пелены.

То, что кристалл принадлежал Архитектору, многое меняло. Но я сделал вид, что это ничего не значит.

– Ты был знаком с Архитектором? – удивилась Мэй. Как мне показалось, на этот раз искренне.

– Нет, – огрызнулся я. – Видел вчера его в первый раз. И в последний.

– О, боги синевы! – пробормотала фея. – Вчера убили Архитектора, а никто даже слезы не проронил. Да что вы за люди!

– Синь – это срань, девочка! – строго заметила Мэй. – И у нее нет богов.

– А вот и есть! – закричала Полина, и слезы потекли у нее из глаз. – Есть! Есть! Есть!

Она все еще выкрикивала свое «есть», когда мы садились в машину.

Мне не нравилось, что я оставляю ее одну на улице.

«Надо непременно взять Полину с собой в замок, – решил я. – Макс не будет против...»

– Что? – спросила Мэй, как будто подслушала мои мысли.

– Абсолютно ничего.

* * *

Лейтенант в самом деле решила накормить меня завтраком и привела в кафе на углу Пятой круговой и Торговой радиальной. Мне здесь не нравилось – прежде всего потому, что в этом заведении собирались в основном стражи правопорядка, а отщепенцы вроде меня, даже притом что стражи под покровом Пелены не позволяют себе лишнего, избегают встреч с цепными псами магистра. Ну и уж тем более теперь, когда Пелена истончалась буквально на глазах, мне совершенно не хотелось завтракать в подобном обществе, потому что завтрак мог плавно перетечь в обед за Вратами Печали. Врата Печали – чудесное место, там на весь день дают миску полусырой каши и ломоть черного хлеба. Отличная диета для похудения, но я и так тощий, так что мне она ни к чему. А за мои фокусы с кристаллом мне светил минус седьмой уровень.

Сейчас в кафе, кроме хозяина за стойкой и двух официантов, никого не было. К слову, хозяин сам был из отставных стражей – под покровом Пелены их тянет друг к другу, как железо к магниту.

Мэй заняла столик у окна, нам тут же принесли яичницу с беконом, кофе и булочки. Почему-то сегодня все решили угощать меня яичницей. Интересно, что бы заказала Полина, окажись она сейчас со мной за столиком у окна?

– Запиши на мой счет, – сказала Мэй официанту. И добавила: – Еще две порции коньяку. Я сменилась с дежурства. Мороженое будешь? – Она подмигнула мне, мол, соглашайся.

– Буду. Можно узнать, по какой причине такая щедрость? – Дурацкий вопрос. Я и так обо всем догадывался. Но иногда полезно казаться глуповатым. Тут главное не переиграть, чтобы тебя не сочли полным болваном.

Она подождала, пока официант отойдет, и шепнула одними губами:

– По этому счету не придется платить.

Я пожал плечами, сделав вид, что не понял, хотя давно уже сообразил: когда Пелена падает, все старые договоры теряют силу, все недоплаты, долги, векселя можно выбросить в сортир и отправить в синьку. Сегодня – двадцать третье июля, а расплатиться Мэй могли попросить только в конце месяца, значит, она точно уверена, что остались считанные дни.

Нам принесли коньяк и мороженое.

Мэй чокнулась со мной.

Если бы в детстве я обожал книги про честных и неподкупных стражей, то непременно влюбился бы в Мэй. Но я терпеть не мог книг, которые давали мне учителя. В ту пору, еще сам не зная почему, я их отталкивал, не в силах прочесть и пары страниц. Уже когда вырос, я понял, что все они лгали: героизм наших стражей на самом деле ничего не стоит, пока кристалл поддерживает покров Пелены из Двойной башни. Ложь я ненавижу больше всего на свете. Не вымысел, не фантазии, не дружеские подколы – нет, именно ложь о сути людей, когда лентяй выдает себя за трудягу, трус за смельчака, подонок – за героя. Я и сам лентяй, но никогда не кричу, что являюсь трудоголиком. Могу простить труса, если он не скрывает, что боится всего на свете, – во всяком случае, буду знать точно, чего от него ожидать. Я знаю, на что способен Черный Кролик, потому что я видел его без Пелены. Но я понятия не имею, как поведет себя в дни хаоса Мэй.

Может быть, я ненавижу Пелену из-за того, что она всех нас заставляет лгать?

– Можно я тебя поцелую? – спросила она.

Как ни странно, некоторые особы женского пола любят со мной целоваться. Ну а мужиков я сам не люблю целовать – уточняю, потому что прозвище Синец иногда сбивает с толку: синец – из-за цвета кожи на лице. Правда, она у меня голубая чуть-чуть, а в основном прозрачная.

– Целуй.

Мы взаимно коснулись губами щек друг друга. Ее кожа напоминала теплый мрамор с запахом лета и цветущих лугов на склонах Редин-гат.

– Где кристалл? – шепнула она мне в ухо.

Я отстранился. Наивно округлил глаза.

– О чем ты, Мэй? Ты же сама сняла камушки с трупов.

– Кристалл. Настоящий, а не дешевые осколки. Или для тебя откроются Врата Печали.

– У тебя нет доказательств, Пелена молчит...

– Зато Пелена позволит мне заключить тебя в предварилку. На три дня. Поверь – этого будет достаточно, чтобы все-все потерять. А ведь ты можешь выиграть, недаром Архитектор выбрал именно тебя. Ты что, еще не понял, почему он вернулся на Альбу Магну?

– Почему? – Вопрос был совершенно искренним: я не ведал, почему Архитектор выбрал именно меня, – чем я был лучше других, сильнее других, упорнее других, всех тех сотен несчастных отщепенцев, что прозябали на заправках и заводах, день за днем сжимая синеву для двигателей, отопления и освещения нашего острова. И главное – для оружия и взрывчатки.

Не за мою же изуродованную физию. Правда, мне досталось больше других, и все потому, что я пытался дергаться, когда ощутил, как синь жжет мою кожу, – в тот миг я сообразил, что какая-то сволочь налила в титановый тазик концентрат, а не простую синеву. Когда я вспоминаю тот день, меня начинает мутить, и я посылаю все известные мне проклятия в адрес магистра Конрада, хотя ему теперь все это до синевы – он умер пятнадцать лет назад. Не выдержав двух лет его правления, Пелена лопнула мыльным пузырем. Конрад боялся, что его свергнут, и его таки свергли, хотя это казалось почти невероятным. Его правление было настоящим безумием. Захватив Двойную башню, он первым делом огласил, что все отщепенцы-неудачники, проигравшие ему битву за башню, должны пройти обращение по новому обряду. Лишь после этого им выдавали разрешение прессовать синеву в Альбе. И до Конрада способные обращаться с синевой жители Альбы Магны находились под надзором – они получали брас-

леты, работу которых контролировала Пелена. Счастливицам в период безвластия удавалось бежать, остальные отправлялись работать на заправки и заводы, кроме тех, разумеется, кто попадал в команду нового магистра. Вдобавок к браслетам Конрад решил всех заправщиков пометить – чтобы, как говорится, видно было издалека. Дело в том, что синева и так, мало-помалу въедаясь в поры, придает коже заправщиков синеватый оттенок. Этаким бирюзовый налет, который многие находят красивым. Женщины с таким цветом кожи пользуются бешеным успехом у мужчин, да и мужчины тоже не обделены вниманием со стороны прекрасного пола. Но это происходит с годами – в первые дни и месяцы никакого налета нет и в помине. Кто-то умный – сам Конрад или нет, не ведаю, – решил, что, если на три минуты опустить будущего заправщика лицом в тазик с синевой, кожа сразу же станет такой, будто отщепенец просидел на заправке уже лет десять. Это ввели в закон Пелены, то есть сделали нерушимым. Сам закон, как и правление Конрада, продержался всего два года, но мне от этого, как говорится, что синь, что несинь. С полсотни неудачников из проигравших собрали до кучи и стали купать мордами в синьке. И только на тринадцатом несчастном сообразили, что в тазиках налита не обычная энергетическая субстанция Океана, а концентрат, сжигающий кожу. Этим тринадцатым был я. Я вырывался, как зверь, и потому меня держали дольше других. У прочих двенадцати ожоги проступили спустя несколько дней, но моя непокорность спасла остальных, тех, кто дожидался процедуры в очереди. Когда с меня сняли защитные очки и вытащили заглушку для рта, кожа с лица попросту стекла и чулком упала на пол. Регистраторша, что сидела у двери, хлопнулась в обморок. А я смотрел в глаза стража, что держал меня во время экзекуции, и запоминал его лицо.

Потом прибежал дежуривший в соседней комнате врач и сделал мне укол. В коридорах началась паника. Страж стал вызывать «скорую». Я потерял сознание. Уже два месяца спустя я узнал, что в тот день, несмотря на противодействие Пелены, две сотни отщепенцев ломанулись в порт и смогли ударить на яхте из-под покрова. Пелена попросту не сумела в тот раз накрыть Жемчужную гавань, а заправщики по закону получали доступ на пирсы к насосным станциям. Кто-то разузнал об этой прорехе и кинулся в бега, остальные устремились следом. Создавать Пелену закона тоже надо уметь. Конрад сделал промах, из-за которого вся Альба Магна ощутила дефицит топлива. Первые тринадцать обожженных несколько месяцев не могли прессовать синеву, остальные же «резвились» кто во что горазд – одни саботировали работу на заправках, другие, на фоне общего дефицита, устраивали бешеные очереди, третьи торговали из-под полы концентратом по тройной цене. Многие заправщики, пользуясь несовершенством нового закона (а попросту огромной дырой в Пелене), продолжали удирать. Вместо того чтобы как-то стабилизировать ситуацию с помощью дополнительных «слабых» законов, Конрад штамповал один запрет за другим. Он собрал до кучи оставшихся заправщиков, устроил один-единственный огромный завод на западе Альбы Магны и заставил всех работать за одну жратву. Как ни странно, концентрата стали вырабатывать в два раза меньше, чем прежде. Я сам отпахал на том заводе полгода: мы сидели по утрам в подвале и курили травку, потом приходил надсмотрщик и разгонял нас по рабочим местам. Орал, иногда пускал в ход палку. Но все без толку: дело в том, что наши браслеты давали наводку друг на друга, то, что хорошо делал один, тут же без всякого злого умысла портил другой. Попытки объяснить ситуацию воспринимались начальством как самый чудовищный бунт, и в ответ мы слышали лишь вопли: «Еще одно слово, и ты окажешься за Вратами Печали!» Орала они, разумеется, зря, Пелена не карала за подобные вещи, но желание что-либо менять отбили напрочь. Бардак все ширился, две холодных зимы довели население до белого каления. Пелена лопнула – или ей помогли.

За год мое лицо покрылось новой кожей, очень гладкой, синеватого оттенка и – почти прозрачной. Сквозь нее видны были мышцы и связки. Причем сосуды, просвечивая сквозь новую кожу, казались едва ли не черными. Мама каким-то образом всеми правдами и неправдами добилась для меня консультации в Университете: там был какой-то крутой профессор,

который мог мне помочь, – так ей сказали. Мы пришли на консультацию. Меня попросили раздеться догола, заставили снять второй браслет заправщика и вывели... ха-ха... вывели в огромную студенческую аудиторию. Скамьи поднимались амфитеатром, и все они были забиты студентами и преподами. На первом ряду сидели смазливые девчонки. Я так растерялся, что окаменел. Потом запоздало прикрылся ладошками. В аудитории захихикали.

– Наглядное пособие по кровообращению... смотрите...

Указка профессора ткнулась мне в висок.

– Мне обещали консультацию, – пробормотал я, дрожа от холода и унижения.

– Поверни голову... – приказал профессор, будто и не слышал моих слов.

Я не двигался.

– Ты меня слышишь? – прошипел профессор.

– По-моему, у него что-то не в порядке с головой, – фыркнул кто-то из студентов.

Аудитория грохнула. Студентки визжали от смеха, парни били кулаками по откидным столикам.

– Поверни голову... тебе сказано... – Профессор ухватил меня за ухо. – Вот же синь! Кто привел сюда этот тупой экспонат?

До этого момента я еще надеялся на какую-то помощь. Но, услышав слово «экспонат», вырвался (ухо тут же вспыхнуло огнем боли) и рванул к двери. Она оказалась заперта.

– Откройте! – потребовал я, понапрасну дергая бронзовую ручку.

– Этот человек срывает мне лекцию! – Профессор указал на меня охраннику.

Ярость захлестнула меня с головой, перед глазами поплыл багровый туман... Прохрипев что-то невнятное, я повернулся к профессору. В тот же миг я ощутил колебание Пелены: не дожидаясь моих действий, она готова была меня обездвижить.

Внезапно с заднего ряда сбежал невысокий светловолосый паренек в клетчатой рубашке и серых брюках. Он скинул с себя рубашку и набросил мне на плечи. Потом слегка толкнул меня в спину и указал на боковую дверь в аудитории:

– Уходи!

– Что ты себе позволяешь... Кайл Рейнвелл? – возмутился профессор. – Ты срываешь лекцию. Этот экспонат никуда не уйдет.

– Этот человек уйдет! – заявил Кайл и, шагнув к профессору, слегка хлопнул того тыльной стороной ладони по щеке.

Я ощутил, как Пелена дрогнула. Проверяла – допустимо ли то, что сотворил сейчас Кайл, или присутствует нарушение закона. Что это? Оскорбление или дружеский жест? Видимо, магистр Конрад ничего не понимал в вопросах чести, и его Пелена была точно так же тупа в этом смысле.

В два прыжка я вылетел из аудитории, пробежал по коридору, нырнул в ту комнату, где мне велели раздеться, спешно натянул одежду, второй браслет и хотел было вернуться. У меня не было при себе синьки, но и с помощью браслетов я мог угостить профессора хорошим разрядом. Однако в аудиторию меня не пустили. Два стража выросли у меня на дороге, будто по волшебству, – все же Пелена учуяла неполадку в происходящем.

В итоге меня оштрафовали на тысячу бертранов, и я выплачивал этот штраф вплоть до самого падения. Спустя два года после моего обращения, когда Конрад погиб и его Пелена пала, я бежал с Альбы Магны. Пока другие дрались за право утвердить новый закон в Двойной башне и водрузить в центре зала свой кристалл, я прятался в заранее облюбованной норе, а спустя несколько дней на лайнере «Виктория» удалялся все дальше и дальше от берегов родного острова. Я был счастлив и одновременно полон печали. Тогда еще не ведая, что Кайла убили в первый же день хаоса, я все равно чувствовал себя проигравшим. А я терпеть не могу проигрывать. Себя проигравшего я ненавижу...

– Ты заснул, Син? – спросила Мэй, и я вернулся в день настоящий.

– Нет, просто вспомнил прошлое.

– Что скажешь?

– «Виктория» не случайно стоит на рейде. И...

– И?

– Я не знаю, почему Архитектор выбрал именно меня. Не из-за этого же, – я коснулся рукой изуродованной щеки.

Самое противное, что кое-где борода продолжает расти, брить тонкую кожу на подбородке и щеках невозможно; если отрастить бороду – вид станет еще более нелепый и уродливый, так что эти треклятые редкие волоски я выщипываю. Однажды я завалился в косметический салон и попросил сделать мне эпиляцию на морде и шее, так девица в салоне грохнулась в обморок, а вторая стала так визжать, что я бежал из салона, как магистр Феликс из Альбы, когда созданной им Пелены не хватило даже на то, чтобы прикрыть дворец рядом с Двойной башней. Впрочем, что толку? Если ты установил кристалл в постамент и провозгласил себя магистром, твоя жизнь навсегда уже связана с кристаллом. Кристалл распадется – ты умрешь. Кстати, меня тоже зовут Феликс, что значит Счастливым. Сами понимаете, я не очень люблю, когда меня так называют.

– Где кристалл?

Я молчал. Тут главное не переиграть. Мэй была мне нужна, просто необходима – без поддержки бывших стражей драку за Двойную башню не выиграть. А у меня никого больше не было на примете, кроме Мэй.

– Ты что, не понял, Син? Я не собираюсь тебя сдавать! Я предлагаю тебе договор.

А, ну наконец-то! Она произнесла это первой! Заключая договор, самое важное не спустить все, что имеешь. А кристалл Архитектора был моим главным козырем в этой игре. Правда, я, кажется, уже говорил, что дерьмово играю в карты и могу выигрывать только у равных мне – то есть у Макса с Черным Кроликом.

Но уж кем-кем, а кроликом Мэй никто бы не посмел назвать.

– Каковы условия? – спросил я, сделав вид, что неохотно уступаю.

– А твои?

– погоди. Не надо так торопиться. Я торопиться не люблю. Для начала ответь, кто эти двое, что напали на меня сегодня? – спросил я в лоб. – Твой ответ – это жест доверия, – пояснил я.

– Люди Берсерка. У этого ублюдка нет кристалла. Команда есть, а камня нет. Если он не раздобудет камень, то после падения Пелены его банда отправится разрушать чужие кристаллы и грабить обывателей.

– Надо же, как хорошо... – пробормотал я, хотя ничего хорошего в том, что на улицах города появится еще одна банда в дни хаоса, не было. – Твои условия?

– Я – капитан стражи при новом магистре, Антон – мой помощник.

– А кто магистр? Я?

Она рассмеялась. Правда, тихо, прикрывая ладошкой рот. Со стороны могло показаться, что она подавилась.

– Магистр тот, Син, кто зачитает свод законов после захвата Двойной башни и запишет их в Пелену. У тебя есть более или менее приличный свод законов?

– Нет. Но я над этим работаю. У меня на заправке лежит тетрадь, и я...

– Значит, ты не будешь магистром, – рассудила Мэй. – Но ты будешь в команде, и тебе не придется следующие двадцать лет сидеть на заправке.

Не самые лучшие условия, но лучших мне никто и не предлагал.

– Хорошо, – сказал я, – заключим договор. Но учти: у меня есть Лоцман...

– Черный Кролик? Не возражаю.

М-да, оказывается, Кролик делился тайнами не только со мной и Максом. С другой стороны, Мэй – страж, и страж неплохой, так что неудивительно, что она в курсе дел.

– Потом Разрушитель.

– Из Максима говенный Разрушитель, но хорошо, мы возьмем его, хотя бы за рост и объем живота.

– И еще...

– Полина исключается.

– Ты ревнуешь?

– А ты кретин. Зачем нам девчонка? Какой от нее прок? Она только смешает нам все карты.

– Может, пользы от нее немного. Но она – перспективная. Мы ее берем. Если она захочет. Я не стал объявлять, что почувствовал в Полине способности Разрушителя, но Мэй и сама могла догадаться.

– Хорошо, – слишком уж легко уступила Мэй. – Если она захочет, возьмем.

Надо полагать, лейтенант сделает все, чтобы этот пункт договора мы не выполнили.

– И еще один...

– Полгорода записать не желаешь?

– Мои желания куда скромнее. Тот парень, у которого сейчас находится кристалл.

– Идет.

Я ожидал, что она спросит, есть ли у меня на примете замок. Но она не спросила. Вместо этого поднялась и сказала подчеркнуто деловито:

– Хорошо, пошли!

Мэй была из тех женщин, кто очень четко разделяет флирт и работу. Может быть, поэтому она так и застряла в лейтенантах.

Мы вышли из кафе. Я услышал звон и обернулся. В окне дома напротив зияла черная дыра, на тротуаре в лучах солнца вспыхивали осколки. Но рядом не было парализованного Пеленой нарушителя, да и стражей тоже я не увидел – хотя в кафе их сидело как минимум человек десять.

Мэй многозначительно кивнула.

Буквально за два часа обстановка поменялась в корне.

* * *

Я не стал докладывать Мэй, у кого спрятан кристалл. И так у нее было преимущество: пока держится Пелена, в любой схватке один на один она положит меня на лопатки. Правда, она никого не кликнула в помощь – и это было хорошим знаком, значит, не собиралась меня сдавать и в самом деле решила ввязаться в драку за Двойную башню. С другой стороны, и у меня не было рядом союзников.

Впрочем, Мэй очень быстро разгадала мою игру – я же говорил, что способен обыграть только Кролика с Максом.

– Ну ты и лопух, Син! Ты спрятал кристалл у одного из своих клиентов. Как же я сразу не догадалась!

– Ну догадалась бы. И что? У тебя есть на примете другой отщепенец, способный качественно замутировать синеву?

– Ладно, – сказала она мрачно. – Договор заключен. Действуем.

Разумеется, она могла бы послать меня подальше – само слово «договор», произнесенное под покровом Пелены, кое к чему обязывало, но это прежде. Теперь, когда Пелена вот-вот должна была пасть, можно было наобещать кому угодно что угодно и тут же нарушить клятву.

Но я подозревал, что Мэй готова держать слово даже после падения Пелены. Во всяком случае, я на это надеялся.

Пока мы петляли по улицам, я заметил, что в двух или трех домах закрывают ставни на окна: кое-кто уже почувствовал, что в воздухе пахнет хаосом. Правда, большинство обывателей вели себя как прежде безмятежно.

Мы уже были почти рядом с домом поэта, когда синяя пластинка детектора, что лежала на панели тачки прямо передо мной, вспыхнула красным.

– Ты идиот! – заорала Мэй. – Твой хранитель открыл футляр!

Мне некогда было объяснять, что поэт вовсе не хранитель, а его дом – просто удачное место для выбранной цели. Но объясняться было попросту некогда.

– Вон туда! – закричал я, указывая на двускатную черепичную крышу стоявшего за серебристыми деревьями дома.

Мэй газанула, снесла ворота – нам уже незачем было прятаться, – потом ударила по тормозам, остановив машину практически впритирку к первой ступени длинной лестницы, облицованной серыми плитками. Весь первый этаж, несоразмерно высокий, был вообще лишен окон. Ступени вели на открытую просторную террасу, а оттуда через стеклянную дверь можно было попасть в дом.

Мы рванули.

– Через две минуты здесь будут конкуренты, еще через две – стражи. И те и другие нам ни к чему, – бросила на ходу Мэй, прыгая через две ступени. – Есть предложения?

– Пока одно – забрать кристалл и сунуть назад в футляр. – Я шагал через три ступени – у меня ноги длиннее, чем у Мэй. – Потом треснуть Ланса по башке.

– Кто такой Ланс?

– Хозяин дома.

– А потом?

– Драпать.

Мы поднялись на террасу и ломанулись в стеклянную дверь. Поэт стоял в холле и держал в руках кристалл. Я ошибся: в магическом камне было как минимум тридцать карат.

– Красота... – пробормотал поэт, поднимая на меня восхищенный взгляд. Кажется, в этот миг он не соображал, что вместе со мной к нему пожаловал страж, и за все про все нам тут всем светит минус седьмой уровень.

В этот раз Мэй не стала выкрикивать всякую хрень про охрану порядка седьмого округа, а просто прыгнула на поэта, одной рукой хватая его за шею, а второй вырывая кристалл.

Очень вовремя – потому что через пару секунд все стекла в холле разлетелись под градом пуль – в этот раз стреляли из автомата. Я бросился на пол через секунду после Мэй – когда ощутил колебание Пелены, и все-таки успел чуть-чуть опередить стрелков. Мы с Мэй почти одновременно очутились за огромным комодом. Между нами был зажат полузадушенный поэт. Вот уж не думал, что Ланс обнаружит футляр там, где я его спрятал. И уж тем более не предполагал, что он его откроет, – на такую «удачу» я не рассчитывал. М-да, поэты люди непредсказуемые.

– Это же Архитектор... – пискнул Ланс. – Я узнал его строфы.

– Арх что, забил законы в кристалл? – изумилась Мэй.

– Нет, только стихи, – отвечал я ей под градом пуль, которые превращали в решето миленькую шифоньерку рядом с комодом. – Стихи, знаешь ли, тоже дают свои законы. Только опосредованно.

– Что нам делать? – спросила Мэй, доставая свой пистолет. В отличие от оружия тех, кто стрелял со двора, ее пистолет был заряжен синевой. Как только Пелена падет, Мэй окажется безоружной. Да и сейчас в любой момент ее пушка может дать осечку. Как, впрочем, и авто-

маты нападавших. Нет ничего хуже сдыхающей Пелены: понять невозможно, что сработает, а что нет. Одна надежда на саму синеву, вернее, на ее концентрат.

– Если ты меня сможешь прикрыть... ну хоть полминуты... – предложил я. – Доберусь до бачка с синькой. Концентрата там под завязку. Ну а дальше – ты сама знаешь...

Она кивнула, приподняла брючину и достала второй пистолет. Этот был без синьки, неучтенный. Видимо, Пелена совсем сдала, если допускает такое.

– Катись! – Мэй вскочила и открыла огонь.

Я схватил дверцу от шифоньера и рванул в боковое окно – бак с концентратом был как раз под ним, и от стрелков его защищала бетонная туша огромной террасы. Я молил богов синевы, чтобы с этой стороны никого из стрелков не было. Знаете, боги иногда нам помогают. Или хотя бы не мешают, делая вид, что очень заняты. Я приземлился на гравийную дорожку в гордом одиночестве, отшвырнул пробитую в трех или четырех местах дверцу и рванул к шкафчику с баллоном концентрата. Вырвал бачок, обнял его, словно любимую, и стал вдавливать кран, как будто баллон уже на две трети был пуст. На самом деле я сжимал синеву, превращая топливо во взрывчатку, – наказание в обычные дни на минус восьмом уровне – вместе с убийцами. А потом я просто открыл кран, пнул бачок, и тот мирно так выкатился к стрелкам. Все остальное нападавшие сделали сами: не задумываясь, изрешетили баллон пулями, титан они пробить не могли, но концентрат подпалили, после чего за террасой расцвел ослепительный фейерверк из белого огня. Я же говорил: люди, вырываясь из-под покрова Пелены, бывают неумелыми громилами или убийцами. Или, напротив, уж слишком умелыми, кого даже Пелена за много лет не могла уловить и укротить. Но нам явно попались ребята из первой, более многочисленной категории.

Мой бачок еще отплевывал остатки концентрата, когда из разбитого окна выпрыгнул поэт, а следом за ним – Мэй.

– Вас не задело? – поинтересовался я первым делом.

– Кристалл у меня, – отозвалась Мэй. Я заметил, что ткань на ее куртке в двух местах разорвана. Одна дыра на плече, вторая – у ворота. Пройди пуля чуть правее всего на пару сантиметров, и Мэй была бы мертва.

– Ну что, поэт, хочешь устроить драку за Двойную башню? – спросила лейтенант с насмешкой у моего клиента.

– Я готов драться, – ответил тот, потрянув каштановыми кудрями. – И, пожалуйста, называйте меня Ланселот.

– Ланс. На большее ты не тянешь, – отозвалась Мэй.

Легенда о Ланселоте дошла к нам из праистории, успев поменяться несколько раз кардинально. Сомневаюсь, что в первоначальном варианте он был певцом и поэтом и его сожгли на костре за крамольные песни.

* * *

Иностранцы, из тех, кто никогда не бывал на нашем острове, почему-то воображают, что Двойная башня называется так потому, что имеет две надстройки в виде огромных рогов. Кто-то даже писал – на Северном архипелаге я видел журнал с картинкой, – что на башне изображена голова огромного быка. На самом деле башню называют Двойной из-за концентрических стен, между которыми оставлен просвет – туда-то и устремляется волна синевы, которую гонит претендент на звание магистра в дни хаоса. Синевы должно быть столько, чтобы она заполнила все пространство стен, запечатала вход и – это самое важное – выплеснулась сверху из башни, накрывая остров тончайшей прозрачной Пеленой. Отныне все, что подпадет под покров Пелены, находится под действием закона – вплоть до его падения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.